

925
(8110)

Лингвистическіе замѣтки
и афоризмы

246012 4/12 X. 1904

и 12/12
1904

ЛИНГВИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И АФОРИЗМЫ.

По поводу новѣйшихъ лингвистическихъ трудовъ В. А. Богородицкаго.

Главнымъ образомъ я имѣю здѣсь въ виду *Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань. 1901*, да кромѣ того нѣкоторыя другія лингвистическія статьи и брошюры профессора Богородицкаго, насколько онѣ не вошли въ составъ „Очерковъ“ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ всѣ эти и нѣкоторые прежніе труды, передъ заглавіями которыхъ я ставлю сокращенныя обозначенія, принимаемыя мною для сбереженія мѣста и времени:
Был.—В. А. Богородицкій. Изслѣдованіе говора деревни Бѣлой (Казанской губ.). (Стр. 1—40; продолженіе слѣдуетъ). Казань. 1900.—8°, стр. 40. съ таблицей.

Введ.—Введеніе въ изученіе русскаго вокализма. Отд. отд. изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава.

Введ. 1.— Выпускъ 1. 1882, 8°, стр. II+59.

Введ. 2.— Выпускъ 2. 1883, 8°, стр. 103 (60—162)+XIV.

Гласн.—Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Диссертация на степень магистра сравнительнаго языковѣдѣнія В. Богородицкаго. Казань. 1884. 8°, стр. IV+146, съ 2 таблицами.

Грам. рус.—Курсъ грамматики русскаго языка. Часть 1-ая: Фонетика. Отд. отд. изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1887.—8°, стр. 8+317.

Діал.—Діалектологическія замѣтки.

Діал. 1.—I. Говоръ села Лады, Саранскаго уѣзда, Пензенской губ. (Казань. 1899).—8°, стр. 7.

Діал. 2.—II. Неправильности русскаго рѣчи у чувашъ. (Казань. 1900).—8°, стр. 9.

Діал. 3.—III. Говоръ села „Сушки“, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (безъ мѣста и времени, но, кажется, Казань, 1901).—8°, стр. 11.

Діал. 4.—IV. Московское нарѣчіе двѣсти лѣтъ назадъ. (Казань. 1902).—8°, стр. 8.

„Очерки“ состоятъ почти исключительно изъ перепечатокъ прежнихъ трудовъ нашего автора и содержатъ только мало вновь написанныхъ мѣстъ.

Въ виду этого я полагаю, что не лишне будетъ указать, какіе прежніе труды Василія Алексѣевича повторены въ отдѣльныхъ „Очеркахъ“, т. е. или просто перепечатаны, или же передѣланы, съ болѣе или менѣе значительными дополненіями и измѣненіями.

И такъ,

Очеркъ I (стр. 1—8), „Тѣны языковъ и ихъ характеристика“=*Чт. I*, стр. 1—9, съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями.

Линг. зам. I.—Лингвистическія замѣтки. Выпускъ I. О морфологической абсорпціи. Отд. отт. изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1881.—8°, стр. 35.

Оч.—В. А. Богородицкій, Орд. профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе при изученіи науки о языкѣ. Казань. 1901.—8°, стр. IV+313, съ таблицей.

Препод.—О преподаваніи русскаго языка (изъ наблюденій въ Казанской татарской учительской школѣ). Изданіе второе. Казань. 1899.—8°, стр. 27.

Скл.—Склоненіе въ аrio-европейскихъ языкахъ. (Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ, вып. 4-й). Казань. 1902.—8°, стр. 70.

Сравн.—Курсъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Тетрадь I-я: стр. 1—80. (Продолженіе слѣдуетъ). Казань. 1899.—(8°, стр. 80).

Это заглавіе на обложкѣ; внутреннее же заглавіе гласитъ:

В. А. Богородицкій. Курсъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. 1890.

Стало быть, печатаніе этого перваго выпуска, совмѣщающаго въ себѣ только пять печатныхъ листовъ и прекращеннаго въ серединѣ абзаца, длилось цѣлыхъ 9 лѣтъ, а все-таки вышелъ только 1-й выпускъ. Появится ли когда нибудь продолженіе, неизвѣстно.

Нѣмецкій переводъ одной изъ главъ этого труда (§§ 7—12) изданъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ:

Einige Reformvorschläge auf dem Gebiete der vergleichenden Grammatik der indoeuropäischen Sprachen. Von. W. Bogoroditzki, a. ord. Professor der vergl. Sprachwiss. und des Sanskrit an der Universität Kasan. Kasan. 1890.—8°, стр. 10.

Чт.—Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ.

Чт. I.—Вып. 1-й. Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1895.—8°, стр. IV+53.

Чт. II.—Вып. 2-ой. Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1895.—8°, стр. II+33.

Чт. III.—Выпускъ 3-й. Къ хронологіи и діалектологіи фонетическихъ процессовъ въ аrio-европейскомъ семействѣ языковъ, съ фізіологическими разъясненіями. Казань. 1900.—8°, стр. II+40, съ таблицей.

Въ *Чт. II*, 33 г. Богородицкій упоминаетъ тоже о своемъ „Курсѣ морфологіи русскаго языка“, печатаніе котораго будто бы началось, но мы объ этомъ курсѣ пока ничего неизвѣстно.

Оч. II (стр. 9—16), „Обозрѣніе аrio-европейскихъ языковъ“=*Грам. рус.* глава 1, стр. 1—10.—Гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе это изложено, хотя и не окончено, въ *Сравн.*, глава II (стр. 13—80, §§ 13—29).

Оч. III (стр. 17—19) „Къ вопросу о „смѣшанныхъ“ языкахъ“ (написано въ 1893 г.). (Извѣстія Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Импер. Казанскомъ Университетѣ. 1894).

Оч. IV (стр. 20—27), „Объ изученіи русской рѣчи“=*Лингвистическія замѣтки*. Выпускъ II. (Русск. Филолог. Вѣстникъ. Варшава. 1881).

Оч. V (стр. 27—55), „Краткая фізіологія звуковъ примѣнительно къ русскому языку“=*Грам. рус.* гл. II, стр. 11—39=*Гласн.* §§ 18—29 (стр. 25—49) да кромѣ того *Ввод. I*, стр. 1—5, 16—19, 20—24.

Оч. VI (стр. 56—65), „Важнѣйшія данныя изъ фізіологіи звуковъ“=*Чт. I*, стр. 10—21.

Оч. VII (стр. 66—75) „Нѣсколько словъ по поводу говорящей машины Фабера. (Сообщеніе, сдѣланное 20-го января 1883 г. въ засѣданіи физико-математической секціи Общества Естественныхъ Исслѣдователей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ приватъ-доцентомъ В. А. Богородицкимъ). (Записки Общества Естественныхъ Исслѣдователей при Импер. Казанскомъ Унив. Казань. 1883).—8°, стр. 12.

Оч. VIII (стр. 76—102), „О русскомъ правописаніи“=*Грам. рус.* гл. III, стр. 40—71.

Оч. IX (стр. 103—125) „Изученіе малограмотныхъ написаній. Разсужденіе В. Богородицкаго, Приватъ-доцента Имп. Казан. Унив. Отд. отт. изъ „Филологическихъ Записокъ“. Воронежъ. 1881.—8°, стр. 32.

Оч. X (стр. 126—142) „Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ. (Отд. отт. изъ Р. Ф. Вѣстника). (Варшава 1880).—8°, стр. 16.—Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, какъ развитіе и дополненіе тѣхъ же мыслей: 1) *Ввод. I*, стр. 29—59; 2) *Гласн.* §§ 30—87 (стр. 50—144); 3) *Грам. рус.* гл. VII (стр. 146—222).

Оч. XI (стр. 143—151), „Тоническая сторона произношенія“=*Гласн.* гл. IV, стр. 105—110. Вновь написано авторомъ то, что помѣщается въ „Очеркахъ“ на стр. 148—151.

Точно также написанъ вновь цѣликомъ „Очеркъ“ XII (стр. 152—162), „Нѣсколько страницъ изъ исторіи звуковаго развитія русскаго языка“.

Оч. XIII (стр. 163—206), „Родство звуковъ русскаго языка съ звуками другихъ аrio-европейскихъ языковъ“=*Грам. рус.* гл. XI, стр. 281—317.—Вновь написаны для этого XIII-ого „Очерка“ стр. 172—175, 186—195, 198—200 и „Сравнительная таблица важнѣйшихъ звуковыхъ соотвѣтствій въ аrio-европейскихъ языкахъ“ (между стр. 206 и 207).—Кромѣ того въ этомъ же, XIII-омъ, „Очеркѣ“: стр. 197—198 „Мелкія замѣчанія“ (Русск. Филолог. Вѣстникъ 1882 г.); „разборъ“ же „текста“ (стр. 200—206) находится тоже, только въ нѣсколько другомъ видѣ, въ *Грам. рус.* гл. V §§ 49—50 (стр. 106—116) и § 51 (стр. 117—123).

Оч. XIV (стр. 207—219), „Предварительныя замѣчанія по психологіи рѣчи“=*Ввод. 2* стр. 72—85; см. тоже *Грам. рус.* стр. 88.

Оч. XV (стр. 220—248), „Введеніе въ морфологію“=*Грам. рус.* гл. IV.

2264949

стр. 72—101. Къ этому слѣдуетъ прибавить *Лит. зам. 1*, гл. IV, стр. 29—30.—Стр. 233—236 и 244—248 XIV-го „Очерка“ вновь написаны.

Оч. XVI (стр. 249—262), „Этюды по психологіи рѣчи“—„Лингвистическія замѣтки. Выпускъ III. Этюды по психологіи рѣчи. Отд. отт. изъ „Рус. Филол. Вѣстника“. Варшава. 1883“ (8°, стр. 12).—Къ этому же относятся слѣдующія мѣста другихъ трудовъ нашего автора: *Грам. рус.* стр. 78—79; *Лит. зам. 1*, стр. 1—6; *Чт. 2*, стр. 1—2; „О частяхъ рѣчи“ (*Русск. Фил. Вѣстникъ* 1882 г.).

Оч. XVII (стр. 263—277), „Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка“—*Чт. 2*, стр. 2—5, 16—30, 32. Къ этому же относятся *Лит. зам. 1*, изъ гл. I стр. 7—8.

Наконецъ, въ „Очеркѣ“ *XVIII*-омъ, „О частяхъ рѣчи“, стр. 292—296 являются повтореніемъ помѣщенного въ публичной лекціи В. А. Богородицкаго „Психологія поэтическаго творчества“, Казань, 1900 (8°, стр. 27), стр. 17—21; стр. 282—292 этого „Очерка“ вновь написаны, а откуда повторены стр. 278—282, я никакъ не могъ разувать.

Такимъ образомъ оказывается, что изъ прежнихъ трудовъ профессора Богородицкаго вошли въ составъ изданныхъ теперь „Очерковъ“ слѣдующіе, или цѣликомъ перепечатанные, или же только отчасти использованные:

Цѣликомъ перепечатаны:

- 1) Къ вопросу о „смѣшанныхъ“ языкахъ.—*Очеркъ III*;
- 2) Лингвистическія замѣтки. Вып. II. Объ изученіи русской рѣчи.—*Оч. IV*;
- 3) Нѣсколько словъ по поводу говорящей машины Фабера.—*Оч. VII*;
- 4) Изученіе малограмотныхъ написаній.—*Оч. IX*;
- 5) Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ.—*Оч. X*;
- 6) Лингвистическія замѣтки. Вып. III. Этюды по психологіи рѣчи.—*Оч. XVI*.

Перепечатаны по частямъ или смѣшанно, съ передѣлкою или безъ нея:

- 1) Мелкія замѣчанія. (*Русск. Филол. Вѣстникъ*. 1882 г.)—*Оч. XIII*, часть;
- 2) *Лит. зам. 1*: гл. IV (стр. 29—30)—*Оч. XI*, часть; предварит. зам. (стр. 1—6)—*Оч. XVI*, часть; гл. I (стр. 7—8)—*Оч. XVII*, часть.
- 3) *Введ. 1*, стр. 1—5, 16—19, 20—24—*Оч. I*; *Введ. 1*, стр. 29—59 (съ прибавками и въ распространенномъ видѣ)—*Оч. X*.
- 4) *Введ. 2*, стр. 72—85—*Оч. XII*;
- 5) *Гласн.* §§ 18—29 (стр. 25—49)—*Оч. I*; *Гласн.* глава IV (стр. 105—110)—*Оч. XI*; *Гласн.* §§ 30—87 (стр. 50—144)—*Оч. X*.
- 6) *Грам. рус.* гл. I (стр. 1—10)—*Оч. II*; *Грам. рус.* гл. II (стр. 11—39)—*Оч. I*; *Грам. рус.* гл. III (стр. 40—71)—*Оч. VIII*; *Грам. рус.* гл. IV (стр. 72—101)—*Оч. XI*; изъ этого стр. 78—79—*Оч. XVI*; *Грам. рус.* гл. VII (стр. 146—222)—*Оч. X*; *Грам. рус.* гл. XI (стр. 281—317)—*Оч. XIII*; *Грам. рус.*, въ главѣ V § 51 (стр. 117—123)—*Оч. XIII*; стр. 88—*Оч. XII*;
- 7) изъ *Чт. 1*: стр. 1—9—*Оч. I*; стр. 10—21—*Оч. II*;
- 8) изъ *Чт. 2*: стр. 1—2—*Оч. XVI*; стр. 2—5, 16—30, 32—*Оч. XVII*;
- 9) О частяхъ рѣчи—*Оч. XVI*;
- 10) изъ „Психологіи поэтическаго творчества“, стр. 17—21—*Оч. XVIII*.

Въ „Очерки“ не вошли вовсе слѣдующіе „курсы“ В. А. Богородицкаго:

1) *Сравн.*—Глава 1-ая (§§ 1—12, стр. 3—12) этого „Курса сравнительной грамматики“ (*Сравн.*) представляетъ: „Взглядъ на исторію языковѣднія въ текущемъ“ (т. е. въ XIX-омъ) столѣтіи. Преобразованія, необходимыя въ сравнительной грамматикѣ; глава же 2-ая (§§ 13—29, стр. 13—80), озаглавленная „Обозрѣніе индо-европейскихъ языковъ“ я пока неоконченная, излагаетъ въ распространенномъ видѣ, со многими подробностями и частностями, содержаніе 1-й главы курса *Грам. рус.* и затѣмъ. *Очерка II*-ю (стр. 9—16).

2) *Чт. 3*, т. е. „Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ“, выпускъ 3-й.

3) *Скл.*, т. е. „Склоненіе въ аrio-европейскихъ языкахъ“.

Отчасти же не вошли въ „Очерки“ курсы:

1) *Чт. 1*, *Чт. 2*.

2) *Грам. рус.*

Изъ другихъ прежнихъ трудовъ вошли въ „Очерки“ частично:

1) *Введ. 1*, *Введ. 2*.

2) *Гласн.*

Изъ строго-лингвистическихъ трудовъ В. А. Богородицкаго, появившихся въ различное время, не приняты вовсе во вниманіе при составленіи „Очерковъ“, во-первыхъ, статьи діалектологическаго характера, какъ-то:

Был. *Діал. 1*, *Діал. 2*, *Діал. 3*, *Діал. 4*,

затѣмъ, статья этимологическо-культурно-этнографическая

„Изъ области лингвистической археологіи. Слово „хомуть“ въ индо-европейскихъ и урало-алтайскихъ языкахъ“. (Изъ XI т. 2 вып. „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Казань. 1893.“ 8°, стр. 8),

состоящая изъ однихъ только соображеній безъ определенныхъ выводовъ, статья педагогическо-лингвистическая

Пренод. (вышедшая 1-ымъ изданіемъ въ 1885 г. въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ „Русск. Филол. Вѣстника“),

статья изъ области экспериментальной фонетики подъ заглавіемъ:

Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Выпускъ I. Казань. 1896. 8°, стр. 31¹⁾

¹⁾ Благодаря преподавательской дѣятельности проф. Богородицкаго въ этомъ именно направленіи, появились въ послѣднее время труды его ученика, окончившаго Казанскій университетъ въ 1902 г., *С. П. Ершова*. 1) „Графическій методъ изслѣдованія состава вогласныхъ (по Rosapelly). Казань 1901“,—8°, стр. 20 (Ученыя Записки Имп. Казан. Унив. 1901, ноябрь, стр. 157—174). 2) „Экспериментальная фонетика. I. Историческіе очерки. II. Нѣсколько опытовъ къ вопросу о слогѣ. III. Палатограммы звуковъ русскаго языка. Казань. 1903“, 8°, стр. 91,—труды изъ области, составлявшей спеціальность даровитаго ученика *С. К. Булича*, покойнаго *Н. С. Усова*.

и, наконецъ, нѣсколько рецензій и критическихъ статей:

1) По поводу теоріи г. Камскаго о возникновеніи въ человѣчествѣ членораздѣльной рѣчи. (Казань. 1890). (Изъ Учен. Записокъ Имп. Казанскаго Унив.), 8°, стр. 11;

2) *И. Усовъ*. Экспериментальная Фонетика. (Рус. Филол. Вѣстникъ. Варшава. 1898);

3) *Anderson N.* Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjasischen. (Записки Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казан. Унив. 1894).

Изъ другихъ мелкихъ статей В. А. Богородицкаго въ „Очерки“ не могли, конечно, войти ни его статьи литературнаго содержанія, по теоріи литературы, по эстетикѣ поэтическаго творчества и т. п., ни одна его статья по математикѣ.

Статьями эстетико-литературными являются:

1) Разборъ художественно-литературныхъ произведеній. „Хоръ и Калинычъ“, рассказъ Н. С. Тургенева. Особый оттискъ изъ журнала „Городской и Сельскій Учитель“. Симбирскъ. 1895.—8°, стр. 8—(2-е изданіе, распростран.). Казань. 1899 (Учен. Записки Казанск. Унив.),—8°, стр. 7.

2) Разборъ художественно-литературныхъ произведеній. „Ермолай и Мельничиха“, рассказъ Н. С. Тургенева. Казань. (1895) 1899. (Учен. Зап. Казан. Унив.),—8°, стр. 7;

3) Объ изученіи художественно-литературныхъ произведеній. Казань. 1899.—8°, стр. 8;

4) Психологія поэтическаго творчества. Публичная лекція. Казань 1900.—(Впрочемъ, нѣсколько страницъ изъ этой лекціи, 17—21, вошло въ составъ *Очерка XIII-ю*, „О частяхъ рѣчи“, стр. 292—296).

В. А. Богородицкій пробовалъ тоже свои силы въ математикѣ, точнѣе въ геометріи, и въ „Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Унив.“ 1892 г. напечаталъ статью

„Предложеніе 4-ое первой книги Элементовъ Евклида и аксіома совместности“,—8°, стр. 5.

Приступая къ обзорѣию содержанія и къ разбору *новѣйшихъ лингвистическихъ* трудовъ В. А. Богородицкаго, я оставляю въ сторонѣ, само собою разумѣется, всѣ его труды не-лингвистическіе, т. е. съ одной стороны, труды по теоріи словесности и по эстетикѣ поэческаго творчества, съ другой же стороны статейку математическаго содержанія, а изъ лингвистическихъ — работы по діалектологіи, т. е. *Діал. 1, Діал. 2, Діал. 3, Діал. 4* и *Бѣл.* Сосредоточу же свое вниманіе главнымъ образомъ на „*Очеркахъ по языковѣдѣнію и русскому*

языку“, принимая однакожь въ соображеніе тоже *Сравн., Чт. 1, Чт. 2, Чт. 3, Сл.*, а иногда и другія болѣе мелкія работы.

Въ „Очеркахъ“, сложившихся по преимуществу изъ перепечатки раньше появившихся статей и трудовъ, можно отмѣтить иногда повторенія одного и того же въ двухъ и болѣе мѣстахъ. Такъ, напри-мѣръ, и на стр. 84 и на стр. 249—250 мы видимъ тѣ же примѣры и тѣ же соображенія. Тоже въ „Очеркахъ“ V-омъ и VI-омъ перѣдки повторенія; между прочимъ, то, что читаемъ въ Оч. VI-мъ на стр. 61 подъ № 5-мъ, повторяетъ изложенное въ Оч. V-мъ.

Но это еще не бѣда. Оно даже неизбежно въ виду того, что иначе отдѣльныя перепечатываемыя статьи лишились бы характера цѣльности.

Относительно отдѣльныхъ „Очерковъ“ и, стало-быть, тоже прежнихъ трудовъ, тождественныхъ съ этими „Очерками“, можно, между прочимъ, замѣтить слѣдующее:

Въ статьѣ „Гласные безъ ударенія въ русскомъ языкѣ“ (=Оч. X, стр. 126—142) В. А. Богородицкій въ 1880 г., на основаніи самостоятельныхъ наблюденій, опытовъ и соображеній, принеся прибли-зительно къ тѣмъ же результатамъ, что раньше, въ 1866 году, А. А. Потебня въ своемъ трудѣ „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ на-рѣчій“.

Оч. XI (стр. 143—151), „Тоническая сторона произношенія“, представляетъ интересныя данныя, извлеченныя частью изъ чужихъ трудовъ, частью же изъ самостоятельныхъ опытовъ нашего ав-тора.

Очеркъ XV (стр. 220—248), „Введеніе въ морфологію“, является очень хорошею статьёй, которую можетъ прочитать съ пользою для себя каждый лингвистъ. Хотя все здѣсь какъ будто извѣстно, но авторъ представляетъ разрозненныя положенія въ связномъ и вполне опредѣленномъ видѣ.

Точно такъ же важны и поучительны три слѣдующія статьи или три слѣдующихъ очерка, XVI („Отюдъ по психологіи рѣчи“), XVII („Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка“) и XVIII („О частяхъ рѣчи“). Но вторая половина послѣдней статьи, со стр. 288, нѣсколько слабѣе, такъ какъ она состоитъ почти изъ однихъ только догадокъ, безъ положительныхъ данныхъ.

I.

Ошибки и неточности.

Прежде чѣмъ приступить къ обстоятельной оцѣнкѣ и критическому разбору новѣйшихъ сочиненій В. А. Богородицкаго, я постараюсь раздѣлаться со встрѣчаемыми въ нихъ ошибками и неточностями.

Начнемъ съ опечатокъ, авторомъ незамѣченныхъ, а все-таки искажающихъ смыслъ, нарушающихъ точность изложенія и могущихъ ввести въ заблужденіе. Итакъ, прежде всего въ „*Очеркаго*“:

На стр. 95 строка 7 и 8 св. вм. „С=согласный твердый“ должно быть: С=согласный твердый.

На стр. 101 строка 6 св. „ѣда“ должно стоять въ 4-й графѣ, а „ѣмъ“ въ графѣ 3-й.

На стр. 117 строка 4 вм. „а если вели „его““ должно быть: а если вели „тебя“ или „его“.

На стр. 194 „арм. sil „сѣмя““ не должно составлять отдѣльной строки, но должно продолжать строку 2-ю сверху.

Стр. 216 строка 6 сн. вм. „Р. ед.“ должно быть: Р. мн.

Стр. 222 строка 4 сн. вм. „мозга назовемъ“ должно быть: мозга; назовемъ.

Стр. 242 строка 16 сн. и стр. 243 строка 5 св. вм. „п'эк'от“ должно быть: п'эк'от.

Стр. 260 строка 16 сн. вм. „x : овторникъ“ должно быть: x=овторникъ.

Стр. 270 строка 15 св. вм. „дѣйствія и аналогіи“ должно быть: дѣйствія аналогіи.

Стр. 270 строка 8 сн. выраженіе „и думаю“ не совсѣмъ здѣсь кетати.

Стр. 289 строка 5 св. между „извилигъ“ и „такимъ образомъ“ надо поставить точку съ запятою (;).

Въ приложенныхъ къ этой книгѣ указателяхъ есть ошибки и неточности, затрудняющія пользованіе ею. Между прочимъ, въ первомъ указателѣ („Указатель разсмотрѣнныхъ русскихъ словъ“, стр. 297) я бы прибавилъ: „визъ 251“.

Изъ другихъ сочиненій г. Богородицкаго я укажу здѣсь на слѣдующія ошибки и опечатки, нарушающія смыслъ:

Въ *Сравн.*: „Цицеронъ, выступившій съ своею первою рѣчью въ 81 г. ро Р. X.“ (стр. 42, строка 9 сверху) вм. „до Р. X.“.

„оказывается сильно пропитанными французскимъ вліяніемъ ефверо-западные области полуострова“ (стр. 52, строка 7 св.) вм. „оказываются“.

„*фрідльское*, которымъ говорятъ болѣе 450 тысячъ въ Италіи и въ Австріи *до Горина*“ (стр. 55, строка 13 св.); это „до Горина“ здѣсь вполнѣ непонятно.

Въ *Чт. II*: „при начальномъ гласномъ *словъ*“ (стр. 31 строка 12 сн.) вм. *слова*.

Въ *Чт. III*: „x : bhinatti“ (стр. 29 строка 22 св.) вм. „x=bhinatti“.

„исчезновенія гласнаго“ (стр. 31 стр. 13 сн.) вм. „исчезнувшіа гласнаго“.

Въ *Грам. рус.*: въ послѣдней выноскѣ (стр. 317) приводится ошибочно греческое $\nu\epsilon\acute{o}\tau\eta\zeta$ вм. настоящаго $\nu\epsilon\acute{o}\tau\eta\varsigma$; стало-быть, и вся эта выноска не имѣетъ оправданія и должна быть зачеркнута.

Въ передачѣ словъ инонародныхъ и иноплеменныхъ языковъ имѣются тоже неточности, лишнія въ сочиненіи лингвистическаго содержанія.

Такъ напримѣръ, по-нѣмецки лучше писать *spazieren*, нежели *spatziere* (Оч. стр. 69).

Русскому слову *межа* соотвѣтствуетъ въ чешскомъ не *mize* (Оч. стр. 205), но *meze*.

Ретороманское *karäl* (*Сравн.* 44), съ согласнымъ *k*, весьма сомнительно.

Извѣстная итальянская поговорка гласитъ „*Se non è vero, è ben trovato*“, а не „*Si non è vero....*“ (Оч. 150).

По-литовски лучше писать *šimlas* (съ удареніемъ ^ надъ m) (сто), нежели *šimlas* (Оч. 166). Литовская форма *dėsimt* (Оч. 167) не встрѣчается; вмѣсто нея имѣется *dėsimtis* (десять).

Въ готскихъ памятникахъ не находимъ слова *mōdār* („Mutter“) (Оч. 175). „Мать“ по-готски *aīthei*.

Укажу еще на нѣкоторыя неточности выраженій и неясную стилизацію нашего автора.

Чт. I. 332: „положеніе слабаго звука въ началѣ слова въ неподвижныхъ условіяхъ является изолированнымъ и потому благоприятнымъ для эпизодическихъ измѣненій“. Что значить „въ неподвижныхъ условіяхъ“?

Оч. 216 читаемъ: „русскій языкъ и древніе языки представляютъ кромѣ сходства также много *особенностей*“. Въмѣсто „особенностей“ я бы поставилъ скорѣе: *различій*.

По поводу род. мн. *картовъ* вм. *картъ* сказано: „если въ умѣ говорящаго явится отглагокъ Род. надежа мн. числа, то отглагокъ этотъ, въ силу ассоціаціи, можетъ вызвать произношеніе даннаго слова съ окончаніемъ *-ыф*, если удареніе должно падать не на окончаніе“ (Оч. 217). При этомъ нашъ авторъ упускаетъ изъ виду, что въ род. пад. мн. числа женскаго рода этого типа склоненій удареніе должно всегда падать не на окончаніе по той простой причинѣ, что здѣсь нѣтъ никакого окончанія, или оно равно нулю: *картъ, рыбѣ, водѣ, рукѣ, картинѣ*....

Вмѣсто „звуковой рядъ слова ассоціируется по смежности со своимъ значеніемъ“ (Оч. 222) было бы точнѣе сказать: „идея (или представленіе) звукового ряда слова ассоціируется съ идеей значенія“.

Что значитъ: „одновременная ассоціація первичныхъ импульсовъ“? (Оч. 222). Развѣ можетъ быть *не-одновременная* ассоціація?

Нѣсколько страннымъ кажется выраженіе: „Я постараюсь представить ходъ *глубокаго* изслѣдованія какого-нибудь явленія, напримѣръ фонетическаго“ (Оч. 24).

Въ своей терминологіи В. А. Богородицкій не всегда соблюдаетъ желанную точность. Такъ, напримѣръ, нигдѣ не пояснивъ, что такое, по его мнѣнію, „фонема“ и „морфема“, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ примѣнять эти термины: „фонема“ (Оч. 195¹), „морфема“ (Оч. 225).

Нѣкоторыхъ условныхъ, общепринятыхъ и ходячихъ выраженій лучше было бы избѣгать въ строго-научномъ трудѣ.

Такъ, напримѣръ, различая „*историческое* время“ и „*до-историческое* время“ (Оч. 10, 154), авторъ не стоитъ вовсе на объективно-научной точкѣ зрѣнія и забываетъ, что то, что однимъ ученымъ, ученымъ-книжникамъ, представляется временемъ историческимъ, можетъ быть для другихъ просто легендарнымъ временемъ.

II.

Обозрѣніе и классификація языковъ.

Говоря о классификаціи языковъ и о смѣшанныхъ языкахъ, проф. Богородицкій то и дѣло позволяетъ себѣ нѣкоторую вольность и неточность выраженій.

Такъ, между прочимъ, онъ сваливаетъ въ одну кучу „IX—XVI. Языки Ю. Африки; *мало-полинезійскіе*: малоизслѣдованные языки С.-В. угла Азіи; языки Кавказа: языкъ басковъ; *американскіе*....“ (Оч. 6), тогда какъ между этими отдѣльными группами, можетъ быть, болѣе различій, нежели между ними и, напримѣръ, языками аrio-европейскими. На самомъ Кавказѣ есть нѣсколько совершенно различныхъ языковыхъ группъ, между которыми, напримѣръ, группа грузино-мингрельская, благодаря открытію проф. Н. И. Марра, оказывается состоящею въ генетическомъ родствѣ съ языками семитическими. Нельзя тоже сваливать въ одну кучу всѣхъ языковъ американскихъ (т. е. языковъ американскихъ автохтоновъ, владѣвшихъ этою частью земного шара до прихода туда хищныхъ и дикихъ европейцевъ). Нѣкоторые изъ сѣверо-американскихъ языковъ состоятъ въ родствѣ съ языками сѣверо-восточнаго угла Азіи.

Что же касается этихъ послѣднихъ, т. е. языковъ сѣв.-вост. угла Азіи, то ихъ уже нельзя считать „малоизслѣдованными“. На основаніи записей и изслѣдованій политическихъ ссыльныхъ въ родѣ Богораза, Юхельсона, Штернберга, записей и изслѣдованій, обнародованныхъ по большей части Императорскою Академіею наукъ, мы можемъ теперь составить себѣ уже довольно вѣрное понятіе о строѣ и составѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (юкагиры, чукчи, гилаки). А не слѣдуетъ забывать, что языкъ айновъ подвергался уже раньше тщательному обозрѣнію и изслѣдованію въ трудахъ Добротворскаго, Pfizmeier'a и др. Матеріалы, собранные проф. Б. Дыбовскимъ (нѣкогда политическимъ ссыльнымъ со времени польскаго возстанія 1863 г.), были обработаны польскимъ этнографомъ и языковѣдомъ, Н. Радлинскимъ, и обнародованы въ изданіяхъ Краковской Академіи наукъ.

Въ виду всѣхъ этихъ вполне достовѣрныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ нельзя уже говорить о „малоизслѣдованіи“ языковъ сѣверо-восточнаго угла Азіи.

Къ семейству *урало-алтайскихъ* языковъ г. Богородицкій причисляетъ тоже группу *финскую* (Оч. 3), точнѣе *уро-финскую* или *финно-урійскую*, хотя ея родство хотя-бы съ татарскимъ или турецкимъ языкомъ слишкомъ отдаленное для того, чтобы можно было изъ той и другой группы составлять, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, одну отрасль, отрасль *урало-алтайскую*.

Совершенно вѣрно, если въ „Обозрѣніи аrio-европейскихъ языковъ“ (Оч. II) говорится, что „семья *индійская* и *иранская*.... въ силу

Оч. 216 читаемъ: „русскій языкъ и древніе языки представляютъ кромѣ сходства также много *особенностей*“. Въмѣсто „особенностей“ я бы поставилъ скорѣе: *различій*.

По поводу род. мн. *картовъ* вм. *картъ* сказано: „если въ умѣ говорящаго явится отбѣнокъ Род. надежа мн. числа, то отбѣнокъ этотъ, въ силу ассоціаціи, можетъ вызвать произношеніе данного слова съ окончаніемъ *-ыфъ*, если удареніе должно падать не на окончаніе“ (Оч. 217). При этомъ намъ авторъ упускаетъ изъ виду, что въ род. пад. мн. числа женскаго рода этого типа склоненій удареніе должно всегда падать не на окончаніе по той простой причинѣ, что здѣсь нѣтъ никакого окончанія, или оно равно нулю: *картъ, рыбѣ, водѣ, ружь, картинѣ*....

Вмѣсто „звуковой рядъ слова ассоціируется по смежности со своимъ значеніемъ“ (Оч. 222) было бы точнѣе сказать: „идея (или представленіе) звукового ряда слова ассоціируется съ идеей значенія“.

Что значитъ: „одновременная ассоціація первичныхъ импульсовъ“? (Оч. 222). Развѣ можетъ быть *не-одновременная* ассоціація?

Нѣсколько страннымъ кажется выраженіе: „Я постараюсь представить ходъ *глубокаго* изслѣдованія какого-нибудь явленія, напримѣръ фонетическаго“ (Оч. 24).

Въ своей терминологіи В. А. Богородицкій не всегда соблюдаетъ желанную точность. Такъ, напримѣръ, нигдѣ не появивъ, что такое, по его мнѣнію, „фонема“ и „морфема“, онъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ примѣнять эти термины: „фонема“ Оч. 195¹), „морфема“ Оч. 225.

Нѣкоторыхъ условныхъ, общепринятыхъ и ходячихъ выраженій лучше было бы избѣгать въ строго-научномъ трудѣ.

Такъ, напримѣръ, различая „историческое время“ и „до-историческое время“ (Оч. 10, 154), авторъ не стоитъ вовсе на объективно-научной точкѣ зрѣнія и забываетъ, что то, что однимъ ученымъ, ученымъ-книжникамъ, представляется временемъ историческимъ, можетъ быть для другихъ просто легендарнымъ временемъ.

II.

Обозрѣніе и классификація языковъ.

Говоря о классификаціи языковъ и о смѣшанныхъ языкахъ, проф. Богородицкій то и дѣло позволяетъ себѣ нѣкоторую вольность и неточность выраженій.

Такъ, между прочимъ, онъ сваливаетъ въ одну кучу „IX—XVI. Языки Ю. Африки; *мало-полинезійскіе*; малоизслѣдованные языки С.-В. угла Азіи; языки Кавказа; языкъ басковъ; *американскіе*....“ (Оч. 6), тогда какъ между этими отдѣльными группами, можетъ быть, болѣе различій, нежели между ними и, напримѣръ, языками аrio-европейскими. На самомъ Кавказѣ есть нѣсколько совершенно различныхъ языковыхъ группъ, между которыми, напримѣръ, группа грузино-мингрельская, благодаря открытію проф. Н. Я. Марра, оказывается состоящею въ генетическомъ родствѣ съ языками семитическими. Нельзя тоже сваливать въ одну кучу всѣхъ языковъ американскихъ (т. е. языковъ американскихъ автохтоновъ, владѣвшихъ этою частью земного шара до прихода туда хищныхъ и дикихъ европейцевъ). Нѣкоторые изъ сѣверо-американскихъ языковъ состоятъ въ родствѣ съ языками сѣверо-восточнаго угла Азіи.

Что же касается этихъ послѣднихъ, т. е. языковъ сѣв.-вост. угла Азіи, то ихъ уже нельзя считать „малоизслѣдованными“. На основаніи записей и изслѣдованій политическихъ ссыльныхъ въ родѣ Богораза, Юхельсона, Штернберга, записей и изслѣдованій, обнародованныхъ по большей части Императорскою Академіею наукъ, мы можемъ теперь составить себѣ уже довольно вѣрное понятіе о строѣ и составѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (юкагиря, чукчи, гилаки). А не слѣдуетъ забывать, что языкъ айновъ подвергался уже раньше тщательному обозрѣнію и изслѣдованію въ трудахъ Добротворскаго, Рѣзмеіера и др. Матеріалы, собранные проф. Б. Дыбовскимъ (нѣкогда политическимъ ссыльнымъ со временъ польскаго возстанія 1863 г.), были обработаны польскимъ этнографомъ и языковѣдомъ, Н. Радлискимъ, и обнародованы въ изданіяхъ Краковской Академіи наукъ.

Въ виду всѣхъ этихъ вполне достовѣрныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ нельзя уже говорить о „малоизслѣдованіи“ языковъ сѣверо-восточнаго угла Азіи.

Къ семейству *урано-алтайскихъ* языковъ г. Богородицкій причисляетъ тоже группу *финскую* (Оч. 3), точнѣе *уро-финскую* или *финно-урійскую*, хотя ея родство хотя-бы съ татарскимъ или турецкимъ языкомъ слѣшкомъ отдаленное для того, чтобы можно было изъ той и другой группы составлять, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, одну отрасль, отрасль *урано-алтайскую*.

Совершенно вѣрно, если въ „Обозрѣніи аrio-европейскихъ языковъ“ (Оч. II) говорится, что „семьи *индійская* и *иранская*.... въ силу

болѣе тѣсною между собою сродства, объединяются въ болѣе общую группу *индо-иранскую* или *арійскую*“ (Оч. 9). Но это утверждение примѣнимо только къ древнему состоянію представителей той и другой семьи. Теперь уже не то, и никакъ нельзя говорить о „болѣе близкомъ родствѣ“ между нынѣшними языками Индіи, Афганистана, Персіи и нѣкоторыми языками Кавказа, принадлежащими къ иранской семьѣ.

Сообщеніе о *ладинскихъ* говорахъ (Оч. 11) слѣдуетъ дополнить въ томъ смыслѣ, что они употребляются и во Фриуль не только въ Италіи, но тоже въ Австріи (въ провинціи Горицѣ).

Вѣроятно, правъ г. Богородицкій, видя въ нѣмецкихъ колонистахъ на Волгѣ потомковъ выселенцевъ изъ южной Германіи, но онъ рѣшительно не правъ, считая однимъ изъ признаковъ *южно-нѣмецкаго* происхожденія тоже произношеніе „ä или o вмѣсто a: älder Mann; ol ocht tog por („каждые восемь дней пару“)“ (Срavn. 18). Это вовсе не исключительный признакъ южныхъ нѣмцевъ; такая же фонетическая замѣна встрѣчается и въ средней Германіи и даже на сѣверѣ.

Нельзя вовсе принимать одинаковой степени родства между говорами *полабскими*, *лужицкими*, *кашубскими* и *польскими* (Оч. 15). Говоры *лужицкіе* (верхне-лужицкіе и ниже-лужицкіе) составляютъ особую вѣтвь, а остальные могутъ быть или соединены въ одну общую, полабско-польскую, или раздѣлены на двѣ, полабскую и польскую, причемъ кашубскіе говоры представляютъ переходъ отъ полабскихъ (точнѣе полабско-поморскихъ) къ польскимъ. Въ настоящее время кашубскіе говоры такъ облизались съ польскими, что изъ обѣихъ группъ слѣдуетъ собственно составить одну общую, кашубско-польскую, распадающуюся на частную группу говоровъ кашубскихъ и частную группу говоровъ польскихъ.

Вѣроятно, только по ошибкѣ нашъ авторъ утверждаетъ, что „Чехо-Моравы населяютъ ту часть австрійской Силезіи, которая не занята поляками, т.-е. *юго-западную*“ (Оч. 15). Во всякомъ случаѣ не *юго-западную*, а развѣ *сѣверо-западную* или просто *западную*.

Точно также въ сообщеніи, что „область *ладинскаго* языка лежитъ къ сѣверу отъ литовскаго“ (Срavn. 77), я бы позволилъ себѣ сдѣлать маленькую поправку: не къ сѣверу, а скорѣе къ сѣверо-востоку или, точнѣе, къ востоку-сѣверу.

Не совсѣмъ вѣрно сообщеніе, что „даже эти крошечные оазисы албанцевъ среди итальянскаго населенія сохранили большею частью свою народность, тогда какъ ихъ сосѣди — славяне, за малыми исклю-

ченіями, *понталяниинцевъ*“ (Срavn. 37). Я нѣсколько знаю эти мѣста и могу увѣрить, что въ этомъ отношеніи нѣтъ вовсе различія между „албанцами“ и „славянами“ южной Италіи. И тѣ и другіе говорятъ на мѣстныхъ итальянскихъ говорахъ и на обще-итальянскомъ языкѣ, но рядомъ съ этимъ и тѣ и другіе сохраняютъ свою прежнюю рѣчь, албанскую или славянскую. Значитъ, если можно говорить объ „итальянизациі“, то это въ равной мѣрѣ примѣнимо къ албанцамъ, какъ и къ славянамъ.

„Соответственность между синтаксическимъ и морфологическимъ строемъ языка“ не есть только частный „интересный случай“ (Оч. 6), но должна быть принимаема вообще, *a priori* во всѣхъ языкахъ.

Профессоръ Богородицкій совершенно справедливо указываетъ на то, что характерную черту американскихъ языковъ составляетъ „полисинтетизмъ“ (многосоединенность), и что поэтому языки эти называются также „воплощающими“ (Оч. 6¹), но при этомъ онъ долженъ былъ прибавить не только, что то же самое встрѣчается въ языкахъ сѣверо-востока азіатскаго, напримѣръ, въ языкѣ гилиакъ острова Сахалина и др., но что въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстной степени „воплощеніе“ присуще тоже языкамъ аріоевропейскимъ. Сюда относится хотя бы синтаксическое употребленіе въ нѣмецкомъ языкѣ глаголовъ, сложныхъ съ предлогами, въ родѣ *ich gebe auf, ich gehe mit, er wirft heraus* и т. п.

Видя въ „согласованіи прилагательнаго въ родѣ, числѣ и падежѣ съ существительнымъ“ характерную черту однихъ только языковъ семитическихъ (Оч. 8), авторъ, кажется, забываетъ, что то же самое имѣетъ мѣсто, напримѣръ, въ языкахъ аріоевропейскихъ.

Точно также трудно считать отсутствіе различія рода въ существительныхъ характернымъ признакомъ языковъ урало-алтайскихъ (Оч. 5). Вѣдь то же самое свойственно значительному большинству языковыхъ группъ, т.-е. всѣмъ семействамъ и отраслямъ, кромѣ отрасли семитической и аріоевропейской (т.-е. всѣмъ языкамъ не-аріоевропейскимъ и не-семитическимъ), да и то въ отрасли аріоевропейской различеніе родовъ чуждо языку армянскому.

Говоря о томъ, что „въ урало-алтайскихъ языкахъ нѣтъ такого плотнаго единства слова, какъ въ языкахъ индо-европейскихъ“, и что „суффиксы сохраняютъ тамъ свою отчетливость и обособленность“ (Оч. 4), слѣдовало прибавить: 1) что въ аріоевропейскихъ языкахъ.

даже древняго, исторически извѣстнаго намъ, строенія, такую же точно „отчетливостью и обособленностью“ отличаются префиксы; 2) что въ средѣ языковъ аріевропейскихъ такое же почти строеіе, по отношенію къ „флексіи“ и агглютинаціи, свойственно языку армянскому, какое въ средѣ языковъ угро-финскихъ замѣчается въ языкѣ эстонскомъ; 3) что децентрализованный или такъ называемый „аналитическій“ періодъ въ исторіи морфологическаго строеія языковъ аріевропейскихъ и есть именно періодъ чистѣйшей агглютинаціи.

Совершенно правъ профессоръ Богородицкій, когда онъ заявляетъ: „Я не могу согласиться съ профессоромъ И. А. Бодуэномъ-де-Куртенъ, противопоставляющимъ туранскую гармонию гласныхъ индо-европейскому ударенію“ и утверждаетъ, что „удареніе индо-европейскихъ языковъ необходимо сопоставлять съ удареніемъ же въ языкахъ туранскихъ“ (Оч. 5), но онъ несомнѣнно ошибается, продолжая: „Вѣдь въ послѣднихъ, какъ и въ первыхъ, *всякой формѣ слова* свойственно *опредѣленное удареніе*“ (Оч. 5). Въ томъ-то и дѣло, что *формамъ* словъ въ языкахъ „туранскихъ“, т.-е. урало-алтайскихъ и угро-финскихъ, чуждо извѣстное опредѣленное удареніе. Морфологическая дѣлимость словъ на морфемы (корни, суффиксы, окончания и т. п.) не связана здѣсь вовсе съ удареніемъ. Каждому „туранскому“ слову свойственно, правда, извѣстное опредѣленное удареніе, напримѣръ, на первомъ слогѣ или же на послѣднемъ, но оно ему свойственно только какъ отдѣльно произносимому синтаксическому цѣлому, какъ отдѣльной синтаксической единицѣ, а ничуть не какъ морфологически сложному цѣлому, состоящему изъ морфологическихъ частей, которыя, каждая въ отдѣльности, могутъ произноситься съ повышеніемъ или усиленіемъ голоса. Въ „туранскихъ“ языкахъ сопровождаются удареніемъ извѣстные *слова* синтаксически недѣлимыхъ словъ, тогда какъ въ *нѣкоторыхъ* языкахъ аріевропейскихъ древняго, морфологически централизованнаго или „синтетическаго“ строеія, точно такъ же какъ и въ предполагаемомъ состояніи прааріевропейскомъ, удареніемъ отдѣляются извѣстныя *морфемы* или морфологическія части словъ, въ противоположность другимъ морфемамъ. Я говорю въ *нѣкоторыхъ* языкахъ аріевропейскихъ, ибо и въ области аріевропейской есть много языковыхъ особей, представляющихъ такую же акцентовку или отношенія ударяемости, какъ языки „туранскіе“. Такъ, напримѣръ, языкъ армянскій своимъ удареніемъ ничуть не отличается отъ языковъ „туранскихъ“. Въ области языковъ славян-

скихъ удареніе въ родѣ туранскаго, т.-е. удареніе морфологически неподвижное, свойственно сѣверо-западнымъ областямъ (словацкой, чешской, лужицкой, польской), тогда какъ свой аріевропейскій характеръ, т.-е. характеръ морфологической подвижности, удареніе сохранило здѣсь въ областяхъ восточныхъ и южныхъ (въ области русской, болгарской, сербо-хорватской, словинской и т. д.).

Такъ называемая „гармонія гласныхъ“ составляетъ теперь, правда, характеристическій признакъ значительнаго большинства языковъ „туранскихъ“, т.-е. урало-алтайскихъ и угро-финскихъ (Оч. 5), но она свойственна далеко не всѣмъ представителямъ этихъ языковыхъ семей, и во всякомъ случаѣ есть явленіе преходящее. Между прочимъ, нынѣшней эстонской языковой области чужда „гармонія гласныхъ“, и только въ нѣкоторыхъ эстонскихъ говорахъ сохранились ея остатки.

Вообще *характеристики языковъ по извѣстнымъ статическимъ особенностямъ должны быть замѣнены характеристиками по живымъ линіямъ историческаго развитія, по живымъ линіямъ постепенныхъ видоизмѣненій, продолжавшихъ языками въ теченіе ихъ многовѣковой исторической жизни*. Это станетъ яснымъ въ виду хотя-бы слѣдующаго факта: и языку ведическому свойственъ строй аріевропейскій, и языку англійскому свойственъ тоже строй аріевропейскій; а что же общаго между ними? Какія можно назвать общія черты, свойственныя и тому и другому „строю аріевропейскому“? Очевидно, строй, характеризующій языкъ ведическій, измѣнился постепенно въ строй, свойственный языку англійскому, но измѣнился такъ основательно, что между ними замѣчается только весьма отдаленное сходство.

Указывая на родъ именъ въ языкахъ семитическихъ и на сходныя явленія въ языкахъ аріевропейскихъ, В. А. Богородицкій понимаетъ эти явленія не совсѣмъ точно. Въмѣсто того, чтобы видѣть въ языкахъ семитическихъ „только два рода въ именахъ — *мужескій* и *женскій*“ (Оч. 7), слѣдовало подчеркнуть совершенно своеобразное различеніе родовъ, свойственное не только языкамъ семитическимъ, но и родственнымъ съ ними такъ называемымъ языкамъ „хамитическимъ“ въ сѣверной Африкѣ: тамъ различаются, правда, два рода, но не *мужескій* и *женскій*, а только *мужескій* (masculinum) и *женско-средній* (feminino-neutrum), точнѣе, *дѣйствующій* (agens) и *подвергающійся дѣйствію, воспринимашій* (recipiens). Совершенно вѣрно, что „какъ вторичное явленіе, существованіе только двухъ родовъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ изъ индоевропейскихъ языковъ“ (Оч.

7), но, какъ видно изъ только что сказаннаго о способѣ различенія родовъ въ семитическихъ языкахъ, эта замѣна родовой тройственности двойственностью на почвѣ языковъ аріевропейскихъ представляетъ явленіе совсѣмъ другого порядка.

Въ связи съ различеніемъ родовъ находится измѣняемость прилагательныхъ по окончаніямъ, сообразно съ родомъ существительнаго. По этому вопросу г. Богородицкій говоритъ между прочимъ:

„Въ англійскомъ языкѣ выработалось явленіе, аналогичное урало-алтайскимъ языкамъ: въ англійскомъ прилагательное опредѣленіе не измѣняется. Ср. *the good father; the good mother; of the good father; of the good fathers*; и т. д. Въ этомъ отношеніи англійскій расходится съ нѣмецкимъ. Но прилагательно-сказуемое не измѣняется какъ въ англійскомъ, такъ и въ нѣмецкомъ. Не зовся ли лежалъ толчокъ къ однообразію прилагательнаго-опредѣленія въ англійскомъ?“ (Оч. 5—6, вын. 2)).

Не думаю. По моему, скорѣе можно предположить, что въ общегерманскомъ состояніи не развилось вовсе сказуемое измѣняемое, и что эта неизмѣняемость сказуемаго унаслѣдована и англійскимъ и нѣмецкимъ изъ пра-германскаго состоянія.

Потеря же измѣняемости прилагательнаго опредѣленія находится, очевидно, въ связи со свойственной англійскому языку потерей какъ конечной флексіи, т.-е. флексіи окончаній, такъ и всѣхъ родовыхъ признаковъ въ самой основѣ слова. Въдъ въ англійскомъ имѣется одинъ только видъ опредѣлителя (члена, артикула), *the*, различіе же родовое перенесено тамъ въ область лично-глагольную, сообразно съ естественнымъ родомъ 3-го лица: *he* (онъ), *she* (она), *it* (оно, это).

Не надо тоже забывать, что на германской почвѣ возобладало отраженіе въ языкѣ объективныхъ отношеній внѣшняго міра и логическая классификація явленій. Сюда относится, между прочимъ, свойственное языку датскому и другимъ скандинавскимъ противопоставленіе міра лицъ міру вещей, т.-е. различіе рода мужско-женскаго (*masculino-femininum*) съ постпозиціоннымъ членомъ *-n* и рода средняго (*neutrum*) съ постпозиціоннымъ членомъ *-l*. Затѣмъ, сюда же слѣдуетъ причислить удареніе на семазіологически главной морфемѣ.

Если „несклоняемость прилагательныхъ“, на подобіе „несклоняемости числительныхъ“, слѣдуетъ приписать первичному состоянію языковъ аріевропейскихъ, если сохранившаяся „несклоняемость числительныхъ“ представляетъ „въ этомъ отношеніи явленіе переживания“

(Оч. 285—286), и если, съ другой стороны, особенность англійскаго языка составляетъ то, что „въ немъ прилагательное безъ всякой перемѣны присоединяется къ своему существительному. Ср. урало-алтайскіе языки“ (Оч. 279¹)), то, по моему, въ этомъ явленіи англійскаго языка слѣдуетъ видѣть возобладаніе чисто реального, объективнаго отношенія къ тому, что признается „дѣйствительностью“.

Съ легкой руки своихъ предшественниковъ, и г. Богородицкій позволяетъ себѣ нѣкоторыя вольности въ орудованіи понятіемъ „пра-языка“ и разныхъ „общихъ языковъ“.

Такъ, между прочимъ, въ Оч. стр. 172 читаемъ: „Отсюда можно съ достаточною достовѣрностью принять, что процессъ смягченія *k² совершался уже по распаденіи праязыка, и притомъ въ арійскомъ отдѣлѣ до обособленія вѣтвей индійской и иранской, въ греческой вѣтви особо отъ италійской, въ славянской вѣтви отдѣльно отъ балтійской“. Неужели нашъ авторъ допускаетъ еще какое-то особенно близкое родство вѣтви греческой и италійской?

Нѣвѣрно тоже слѣдующее предположеніе: „Возможно думать, что зарожденіе непереходнаго смягченія согласныхъ относится къ послѣднимъ временамъ періода общеславянскаго“ (Оч. 154). Южно-славянскіе языки опровергаютъ это предположеніе.

По поводу формъ *piptō*, *gignō* ..., съ „удареніемъ на удвоеніи“, и предполагаемыхъ рядомъ съ этимъ „первоначальныхъ формъ, какъ **piptō*, **gignō*“, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, г. Богородицкій говоритъ: „Могло быть, что гласный въ положеніи послѣ ударенія внутри слова не ослаблялся до близости къ нулю; эта стадія получилась въ положеніи передъ удареніемъ, а затѣмъ съ перемѣщеніемъ ударенія уже могъ — такъ сказать — доразвиться нуль и въ новомъ положеніи. Это доразвитіе могло совершиться и по распаденіи праязыка аріо-европейскаго“ (Чт. III. 26). — Подобныя предположенія я считаю безпредметными догадками.

Въ связи съ вопросомъ о классификаціи языковъ и о разныхъ періодахъ развитія строя языка находится вопросъ о смѣшеніи языковъ. И здѣсь позволяю себѣ сдѣлать нѣкоторыя поправки и дополненія того, что высказывается г. Богородицкимъ.

Такъ, между прочимъ, онъ утверждаетъ, что „при соприкоснове-

ній языковъ получаются два явленія: 1) заимствованныя слова и 2) смѣшанныя нарѣчія“ (Оч. 17). А развѣ не происходитъ тоже измѣненіе строя языка и всѣхъ вообще его особенностей?

Затѣмъ, нашъ авторъ различаетъ „II. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія при соприкосновеніи двухъ *близко родственныхъ языковъ*, на-примѣръ, русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго и т. п.“ и „III. Смѣшанныя нарѣчія, возникающія въ томъ случаѣ, когда соприкасаются *нарѣчія одного и того же языка*. Таковы переходные говоры отъ малорусскаго къ бѣлорусскому, отъ малорусскаго къ великорусскому и т. п.“ (Оч. 18).

И не вижу здѣсь никакой существенной разницы, а вижу единственно градацію, различіе степеней. Явленія, получающіяся отъ смѣшенія, съ одной стороны, русскаго и польскаго, русскаго и чешскаго, польскаго и чешскаго, съ другой же стороны, малорусскаго и бѣлорусскаго, малорусскаго и великорусскаго, чешскаго и словацкаго и т. п., будутъ приблизительно одинаковы.

Къ разряду вопросовъ классификаціи языковъ и вопросовъ діалектологическихъ принадлежитъ тоже различіе языка дѣтей и взрослыхъ, языка женщинъ и мужчинъ и т. п. Въ трудахъ г. Богородицкаго обращено вниманіе тоже на это различіе. И здѣсь я позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые дополненія.

Оч. 20 читаемъ: „Говоръ дѣтей отличается отъ языка взрослыхъ. Это происходитъ отъ того, что дѣти еще не достигли совершеннаго *произношенія всѣхъ звуковъ*, свойственныхъ данному говору“. Развѣ только „произношенія всѣхъ звуковъ“? Развѣ другія стороны языка даются дѣтямъ сразу?

Тамъ же (Оч. 20) значится: „Говоръ женщинъ, который весьма часто *происходитъ изъ другихъ поселеній*, можетъ отличаться отъ говора мужчинъ“. А развѣ мужчины не могутъ происходить изъ другихъ поселеній? И развѣ это достаточный поводъ для различенія говора женщинъ и мужчинъ?

III.

Фонетическія изслѣдованія и связанные съ ними вопросы.

Главную силу и заслугу нашего автора составляютъ его изслѣдованія по фонетикѣ, по взаимному отношенію фонетики и графики,

по изученію малограмотныхъ написаній и т. п. Поэтому я и позволю себѣ остановиться подольше на этихъ вопросахъ, указавъ сначала на мелкіе промахи и неточности выраженія.

Непонятно, какой такой „готическій шрифтъ“ напечатъ г. Богородицкій въ русскомъ алфавитѣ. Онъ говоритъ: „Чтобы изображеніе звуковъ буквами не служило поводомъ къ смѣшенію проводимыхъ мною двухъ точекъ зрѣнія, можно бы воспользоваться двумя шрифтами русскаго алфавита: обыкновеннымъ — для обозначенія „звуко-артикуляцій“ и *готическимъ* — для обозначенія „звукоощущеній““ (Оч. 63). Вѣроятно, авторъ, говоря о „готическомъ“ шрифтѣ, имѣетъ въ виду просто курсивный русскій шрифтъ, которымъ впрочемъ вовсе не пользуется, изображая и „звукоощущенія“ обыкновеннымъ русскимъ уставомъ.

Кстати замѣчу, что, для полной точности и для строгаго различенія понятій, необходимо было бы примѣнять еще третій шрифтъ или третій видъ буквъ, а именно тогда, когда дѣло идетъ не о „звуко-артикуляціяхъ“, и не о „звукоощущеніяхъ“, но о графическомъ изображеніи „фонемъ“, т.-е. психическихъ единицъ или интегрированныхъ представленій, сложившихся изъ отдѣльныхъ звуковыхъ впечатлѣній, производимыхъ произнесеніемъ различныхъ минимальныхъ видоизмѣненій одного и того же звука.

Впрочемъ, съ технической стороны, для облегченія печатанія и писанія, можно бы обойтись и однимъ шрифтомъ или однимъ видомъ буквъ, ставя только въ началѣ, на подобіе музыкальнаго ключа или знака музыкальной гаммы, общій знакъ даннаго порядка ощущеній и представленій (идей), на-примѣръ, *xx* (*ak.*) или передъ рядомъ знаковъ для „звукоощущеній“, *φ* (или *f.*) передъ рядомъ знаковъ для „звуко-артикуляцій“, *ψ* (или *ps.*) передъ рядомъ знаковъ для „фонемъ“, соответствующихъ даннымъ „звукоартикуляціямъ“ и „звукоощущеніямъ“.

Иногда кажется, что нашъ авторъ упускаетъ изъ виду различіе языка и правописанія, т.-е. неразличенія графическія отождествляетъ съ неразличеніями фонетическими.

Такъ, на-примѣръ, говоря о двухъ зендскихъ діалектахъ, діалектѣ *Gādhā-* и діалектѣ другихъ частей Авесты, онъ первому изъ нихъ приписываетъ одинъ только рядъ согласныхъ *b, d, g*, тогда какъ въ другомъ видитъ развѣтвленіе на сжатые *b, d, g* въ началѣ словъ и на спиранты *u, ō, γ* въ срединѣ словъ (Оч. 177). При этомъ онъ основывается на графикѣ тѣхъ и другихъ памятниковъ: въ памят-

никахъ *Cañā*— имѣется только по одному начертанію для *b, d, g* во всѣхъ случаяхъ ихъ употребленія, тогда какъ въ другихъ памятникахъ буквы въ началѣ словъ одиѣ, въ серединѣ же словъ другія. Конечно, подобное заключеніе по буквамъ о звукахъ вполнѣ правильно; но возможно тоже допущеніе смѣшенія графическаго при различіи фонетическомъ. Въдѣ подобное несовпаденіе графики и фонетики повторяется довольно часто въ исторіи письменности и имѣтъ никакого основанія исключать его возможность, когда рѣчь идетъ о земскихъ діалектахъ. Въ датскомъ правописаніи буквы *b, d, g* обозначаютъ сжатые (взрывные) согласные, когда они нинутся въ началѣ словъ; въ серединѣ же словъ имъ присвоена роль сочетаться съ представленіемъ соответствующихъ спирантовъ. Иѣчто подобное имѣетъ мѣсто и въ другихъ письменностяхъ. Да наконецъ, въ русской графикѣ одна буква *з* обозначаетъ то взрывной согласный, *з* (*юра, палка, тропать...*), то спирантъ, *з* (*благо, господь, Божь...*).

Не съ достаточною точностью различаетъ нашъ авторъ звуки и буквы, говоря о греческомъ чередованіи $\pi \parallel \sigma$ или атт. $\tau \tau$ (Оч. 170). Очевидно, здѣсь удвоенныя буквы, $\sigma \sigma$ и $\tau \tau$, обозначали не простое удвоеніе соответствующихъ звуковъ, но „удвоеніе“ или удлинненіе согласныхъ „мягкихъ“ ($\acute{\epsilon}\acute{\epsilon}$, $\acute{\sigma}\acute{\sigma}$) или же усиленный согласный дифтонгъ со „смягченіемъ“ ($\tau\tau\acute{\epsilon}$, $\tau\tau\acute{\iota}$ или т. п.). Подобное сочетание „удвоенія“ или усиленія съ „смягченіемъ“ вовсе не диковинка въ разныхъ языкахъ: во французскомъ, въ нѣмецкомъ, въ малорусскомъ, въ белорусскомъ и т. д.

Оч. 166 читаемъ: „Теперь латинское *c* при слѣдующемъ смягчающемъ“ (?) „гласномъ обыкновенно выговариваютъ какъ русское *ч*“. Да, это правда, но надо было прибавить, что такъ произносятся нѣмцы и подражающіе нѣмцамъ славяне; у самихъ же романскихъ народовъ, продолжающихъ латинское произношеніе по прямой линіи непосредственной преемственности, имѣется другое произношеніе: у итальянцевъ *c*, у французовъ *c* (*s*) и т. п.

Оч. 191²) авторъ высказываетъ на врьдѣ ли вѣрное предположеніе, что въ латинской орфографіи буква *n* и сочетаніе буквъ *oe* произносились одинаково, и что „если въ отдѣльныхъ словахъ написаніе *oe* встрѣчается и въ классическомъ періодѣ, наиримѣрь, *foedus* „гадкій“, *foedus* „союзъ“, *Roenus* „нунический, кароагенскій“, то на это нужно смотрѣть какъ на орфографическія переживанія.

Этому предположенію о фонетическомъ тождествѣ знаковъ *n* и *oe* противорѣчить продолженіе латинскихъ словъ въ романскихъ языкахъ;

наиримѣрь, итальянское *uno, unete...* рядомъ съ *federato...*, французское *un, une, unni...* рядомъ съ *fédéré, pénitent...* Очевидно, латинскія *n* и *oe* представляли развѣтвленія прежняго *oi* въ двѣ стороны, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Замѣчаніе, что „неравномѣрность и несоотвѣтствіе между измѣненіемъ произношенія и письма особенно замѣтны въ англійскомъ и французскомъ языкѣ“ (Оч. 89), слѣдовало пополнить въ томъ смыслѣ, что въ англійскомъ языкѣ и письменности эта неравномѣрность и несоотвѣтствіе гораздо больше неравномѣрности и несоотвѣтствія, свойственныхъ французскому языку и письменности.

Несовѣсть точно понимаетъ и объясняетъ г. Богородицкій отношенія русскаго произношенія къ русскому написанію въ случаяхъ, касающихся буквъ *ш, ж, ч, ѣ* и т. д. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

„Хотя такія слова, какъ „мужь“, теперь принадлежатъ къ твердому склоненію, однако они сохранили нѣкоторыя особенности мягкаго склоненія: такъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа „мужьѣ“ мы видимъ окончаніе мягкаго, а не твердаго склоненія. Значитъ въ древне-русскомъ языкѣ произносили *ш'і, ж'і*, а потому и писали *ши, жи*.

„Если же теперь согласные *ш* и *ж* произносятся твердо, то это значитъ, что произношеніе ихъ съ теченіемъ времени постепенно изъ мягкаго перешло въ твердое. Другими словами, согласные *ш* и *ж* отвердѣли, почему и сочетаются теперь уже съ гласнымъ *и*, а не *і*. Что же касается до письма, то оно сохранилось прежнее“ (Оч. 88).

„И такъ, написанія *ши, жи* обозначаютъ не теперешнее, а прежнее произношеніе, и потому мы можемъ назвать ихъ историческими: прежде же они обозначали произношеніе, — слѣдовательно были фонетическими“ (Оч. 88).

„Согласные *ш* и *ж* — тверды, *ч* — согласный мягкій. Поэтому при полной послѣдовательности русскаго письма ожидалось бы написаніе:

ши, шѣ, ши
жи, жѣ, жи
чи, чѣ, чи....“

„Значитъ, написанія *ши, жи, чи, чѣ* — не-фонетическія.

„Написаніе *чи* также не-фонетическое“ (Оч. 79).

„Согласные *ш* и *ж* въ русскомъ языкѣ произносятся только твердо, и послѣ нихъ буква *и* произносится какъ *и*, наиримѣрь, *криши, лужи*“ (Оч. 81).

Все это вѣрно, но не вездѣ формулировано безусловно точно.

Написанія *ши, жи* въ русской графикѣ возникли не путемъ фонетическимъ, какъ отраженіе прежняго произношенія, съ „мягкими“ *ш* и *ж*, произношенія, замѣнявшагося въслѣдствіи „твердымъ“ произношеніемъ тѣхъ же согласныхъ, но они есть просто подражаніе церковнославянскому написанію, безъ отраженія фонетическихъ осо-

бенностей живого русскаго языка въ какое бы то ни было время. Окончательно эти написанія утвердились далеко не такъ давно, а именно въ то время, когда уже, по всей вѣроятности, произносились не „мягкія“ *м'*, *ж'*, но твердыя *м*, *ж*.

При согласныхъ *м*, *ж*, *ч*, *и* „фонетичность“ написанія далеко не столь важна, какъ при другихъ согласныхъ. Согласные *м*, *ж*, *ч*, *и* являются согласными не-парными съ точки зрѣнія различенія „мягкости“ и „твердости“: они могутъ быть или только твердыми, или же только мягкими. Слѣдовательно, написаніе соответствующихъ имъ буквъ вполнѣ опредѣляетъ всѣ ихъ свойства и особенности, до „мягкости“ или „твердости“ включительно. Написавъ, напримѣръ, букву *м*, мы знаемъ вполнѣ опредѣленно не только, что это будетъ такой то и такой согласный по главной локализаци въ полости рта, по способу дѣйствія органовъ полости рта, по способу дѣйствія небной занавѣски (то-есть, по закрытію или открытію носовыхъ полостей), по дѣйствію голосовыхъ связокъ гортани и т. д., но тоже по степени приближенія средней части языка къ твердому небу, то-есть, со стороны различенія такъ называемой „твердости“ или „мягкости“. Между тѣмъ при другихъ согласныхъ это далеко не такъ: написавъ *и*, *о*, *а*, *я*, *к* и т. п., мы еще не знаемъ, представленіе ли „твердости“ или „мягкости“ должны сочетать (ассоциировать) съ представленіемъ соответствующаго этой буквѣ согласнаго звука. Этотъ составной элементъ произношенія русскихъ согласныхъ опредѣляется написаніемъ или буквы, обозначающей слѣдующій гласный, или же знакомъ ъ или ь. Буквами *а*, *о*, *у*, *ы* или же знакомъ ъ опредѣляется графически „твердость“ предшествующаго согласнаго; буквамъ же *я*, *е*, *ю*, *и* или же знаку ь присвоена роль обозначать тоже „мягкость“ предшествующаго согласнаго. Это и объясняетъ намъ возможность „этимологическихъ“ или „историческихъ“ написаній, *-ишь* во 2-мъ лицѣ единственнаго числа (*область*, *лодить*, *песнь*), *-ишь* или *-иь*, *-жь* или *-жьь*, *-иь* или *-иьь*, *-иць* или *-ицьь* въ существительныхъ (*плачь*, *мужь*, *пріемышъ*, *плацъ*, *ночь*, *рожь*, *воишь*, *моць*), не смотря на полное тождество въ произношеніи послѣднихъ согласныхъ; тогда какъ при другихъ согласныхъ подобное графическое различеніе при фонетическомъ тождествѣ было бы вполнѣ невозможно.

Это свойство русскихъ согласныхъ *и*, *м*, *ж*, *ч* (и *иц*, то-есть, *и*), это фонетическое неразличеніе написаній *иц* и *иць*, *жц* и *жць*, *чц* и *чць*, *иц* и *иць*, *иц* и *иць* (*цирюльицъ* или *цирюльиць*, *цифра* или *цифря*) и т. д., въ различіи отъ другихъ согласныхъ, парныхъ въ

этомъ отношеніи, можно сопоставить, въ области гласныхъ, съ „парностью“ гласныхъ *ы* | *и*, въ различіи отъ всѣхъ остальныхъ.

Считая родительный надежъ множественнаго числа „*мужей*“ сохранившимся отъ „мягкаго“ склоненія (Оч. 88), г. Богородицкій забываетъ, что первоначальнымъ окончаніемъ родительнаго надежа множественнаго числа этого склоненія было *ь* (древне-русское *мужь*, древне-церковно-славянское *мѣжъ*...), и что окончаніе *-ей* здѣсь ничуть не сохранилось, а напротивъ того оно есть нововъ, то-есть, результатъ унодобленія склоненію такихъ существительныхъ, какъ *иуть*, *гость* (съ прежнимъ родительнымъ надежомъ единственнаго числа *гости*), *голубь* (съ прежнимъ родительнымъ надежомъ единственнаго числа *голуби*), *кость*, *ночь* ..., то-есть, существительныхъ съ родительнымъ надежомъ единственнаго числа *-и*, продолжающихъ склоненіе прааріевроевропейскихъ основъ на *-i*.

Неточно формулируетъ нашъ авторъ отношеніе письма къ языку, говоря: „Предьидущій (|| предьидущій). Этотъ случай представляетъ особенность въ произношеніи буквы *и*: она произносится здѣсь какъ *ы*; въ другихъ примѣрахъ и пишется только *ы*, напримѣръ, *разыграть*“ (Оч. 81). Здѣсь, въ словѣ *предьидущій*, не сама по себѣ буква *и* произносится какъ *ы*, а только буквою *и* намекается на возможность или гласнаго *и*, или же его двойника, гласнаго *ы*; написаніе же передъ буквою *и* знака ъ и показываетъ вполнѣ опредѣленно, что здѣсь пишется въ виду обозначить гласный *ы*.

Невѣрное объясненіе написанія читаемъ въ Оч. 86: „Но слово „*восночь*“ уже не чувствуется состоящимъ изъ *воз* и *ночь*, но чувствуется простымъ словомъ, не принадлежащимъ къ семьѣ словъ „взалкать“ и т. п. Это обособленіе нашего слова отъ семьи родственныхъ словъ пренятствуетъ написанію по аналогіи и даетъ перевѣсъ фонетическому письму“. А развѣ слова, чувствущія въ своемъ морфологическомъ составѣ и состояніи изъ предлога *воз* | *вос*, пишутся иначе? Развѣ *воскресеніе*, *воскреситель*, *восклицаніе*, *восгодъ*, *воскрикивать*, *воснаидать*, *воспитаніе*, *восплакать*, *воспламенитъ*, *воспроизводить*, *восхвалять*, *вострубить* ... пишутся съ *воз*? Другое дѣло *возстановить*, *возсоздать* и т. п. Не слѣдуетъ тоже при этомъ забывать, что „предлогъ“ *вос* | *воз* никогда не употребляется отдѣльно, то-есть, въ отдѣленіи отъ сложнаго слова.

Указывая на важность изученія „правописанія писателей“ вообще, а различенія окончаній *-іе* и *-іе* Тургеневымъ въ особенности (Оч. 90¹), профессоръ Богородицкій, подъ влияніемъ своеобразнаго опти-

низма, понимаетъ факты неточно и не надлежащимъ образомъ. Онъ говоритъ: „Иной разъ, быть можетъ, чувство *ритма* подсказываетъ то или другое написаніе; ср. у того же писателя: я съ удвоеннымъ любопытствомъ и участіемъ посмотрѣлъ на Ариу (II 26); съ такимъ участіемъ посмотрѣлъ (ib.) || съ участіемъ посмотрѣлъ (II 30). Постъ сказаннаго, думаю, становится понятнымъ интересъ къ изученію орфографіи писателей, могущей перѣдко отражать ихъ личность, индивидуальные оттѣнки ихъ мысли“. Нашъ авторъ забываетъ, что такъ называемое „правописаніе писателей“ или „орфографія писателей“ устанавливается обыкновенно издателями, редакторами и типографчиками.

Въ одномъ мѣстѣ статьи „Изученіе малограмотныхъ написаній“ г. Богородицкій даетъ описаніе факта, но при этомъ даетъ только половинное объясненіе, то-есть, своего объясненія не доводитъ до конца. Именно онъ указываетъ на то, что „въ одной серіи малограмотныхъ писемъ встрѣтить два знака для гласнаго *e*: *э* и *е*; первый знакъ употребляется въ началѣ слова, второй — въ серединѣ и въ концѣ“ (Оч. 106), и объясняетъ это такъ: „Дѣло въ томъ, что малограмотному въ началѣ словъ, въ известномъ случаѣ, встрѣчалось произное (большое) *э*; подъ вліяніемъ этихъ случаевъ въ умѣ малограмотнаго идея этой буквы ассоціровалась съ идеей вообще начальнаго звука *e* (или *ѣ*)“ (Оч. 117). Этого мало. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что такъ какъ начальная буква *e* обозначаетъ сочетаніе звуковъ *je*, а буква *e* въ серединѣ словъ служить для обозначенія гласнаго *e* (э) и мягкости предшествующаго согласнаго, то въ умѣ этого малограмотнаго лица идея буквы *э* ассоціровалась съ идеей звукового сочетанія *je*, а идея буквы *e* — съ идеей гласнаго *e* и „мягкости“ предшествующаго согласнаго.

Въ Оч. 52 находимъ описаніе прибора Marey'a и Rosapelly, приспособленнаго для записыванія фонаціонныхъ движеній, то-есть, движеній отдѣльныхъ частей говорильнаго аппарата. Это описаніе вполне точное, но тѣмъ не менѣе его трудно понять, не имѣя передъ глазами самого прибора или, по крайней мѣрѣ, его рисунка.

Мнѣ, конечно, не подобаетъ спорить съ г. Богородицкимъ по части его акустическихъ выводовъ и объясненій, общихъ ему впрочемъ съ другими изслѣдователями. Но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что иногда можно бы взглянуть на дѣло нѣсколько иначе.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу говорящей машинъ Фабера“ читаемъ:

„Верхніе тоны смѣшиваются съ основнымъ тономъ и ихъ соединеніе производитъ то, что называютъ *тембромъ* или *звукосымъ оттѣнкомъ*. Это соединеніе даетъ намъ возможность отличать одинъ музыкальный инструментъ отъ другого. Кларнетъ и скрипка, напримѣръ, хотя бы они были настроены по одинаковому основному тону, различаются между собою по качеству звука; придаточные тоны скрипки отличаются отъ придаточныхъ тоновъ кларнета“ (Оч. 69).

А не зависить ли это тоже просто отъ качества матеріала, изъ котораго сдѣланъ инструментъ? Вѣдь качествомъ и составомъ матеріала можетъ обуславливаться особенная форма отдѣльныхъ волнъ или колебаній воздуха.

Примѣняемый нашимъ авторомъ принципъ дѣленія (*principium divisionis*) не всегда выдерживаетъ критику. Напримѣръ, когда онъ говоритъ, — слѣдуя впрочемъ общепринятой формулировкѣ, — что „голосовыя связки *женщины* короче, нежели голосовыя связки *мужчины*, а потому женская гортань производитъ болѣе высокіе тоны; самыя короткія связки у *дѣтей*, которыя и имѣютъ наиболѣе высокій голосъ“ (Оч. 69), то невольно возникаютъ вопросы: можно ли раздѣлять человечество на *женщинъ*, *мужчинъ* и *дѣтей*? можно ли вполне игнорировать различіе мальчиковъ и дѣвочекъ? когда совершается то внезапное удлиненіе голосовыхъ связокъ мальчика, которое вдругъ переводитъ его, съ точки зрѣнія голоса, изъ разряда дѣтей въ разрядъ мужчинъ?

Только научный оптимизмъ и сангвинистическій взглядъ на достоинство производимыхъ предшественниками наблюденій и опытовъ могли породить г. Богородицкому слѣдующее утвержденіе: „Подобные опыты дали возможность Гельмгольцу выразить нотами резонанса полости рта при различныхъ гласныхъ *немецкаго языка*“ (Оч. 70). Развѣ въ самомъ дѣлѣ *немецкаго языка*? Не будетъ ли вѣрнѣе сказать: „гласныхъ Гельмгольца“, „гласныхъ Шульце и Миллера“, „гласныхъ Шмидта и Мейера“, пожалуй еще „гласныхъ берлинскаго говора“, „гласныхъ лейпцигскаго говора“ и т. п.? но о „резонансѣ полости рта при различныхъ гласныхъ *немецкаго языка*“ можно говорить съ такимъ же приблизительно правомъ, какъ объ общихъ осо-

бенностяхъ нѣмецкихъ череповъ, чешскихъ череповъ и т. п. Какъ шатки всѣ эти „истины“ череповѣдѣнія или краниологіи, лучшимъ доказательствомъ служить то обстоятельство, что знаменитый этнографъ Пешель (Peschel), говоря въ своей „Völkerkunde“ о разнообразіи череповъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ съ точки зрѣнія длинноголовья (доліхокефализма) и короткоголовья (брахикефализма), на одномъ концѣ приводимой имъ лѣстницы ставитъ хорватовъ, а на другомъ сербовъ, хотя, какъ извѣстно, сплошныя племенные различія всѣхъ сербовъ съ одной стороны и всѣхъ хорватовъ съ другой стороны болѣе чѣмъ сомнительны. Господа череповѣды пороются на двухъ-трехъ кладбищахъ, къ тому же еще сомнительнаго происхожденія, подвергнутъ краниологическимъ измѣреніямъ нѣсколько десятковъ большихъ въ доступныхъ имъ больницахъ или же солдатъ въ двухъ-трехъ роткахъ какого-нибудь полка, и... уже вполне готовы глубокомысленные выводы, служащіе „достовѣрнымъ“ матеріаломъ для антропологовъ, для „стариновѣдовъ“ или „древноисториковъ“, для „историковъ“ вообще и въ концѣ концовъ даже для политиковъ. Не многимъ болѣе заслуживаютъ вниманія выводы о „резонансахъ полости рта при различныхъ гласныхъ“ извѣстнаго племеннаго языка, получаемые въ физическихъ или же физиологическихъ кабинетахъ, если они дѣйствительно претендуютъ на распространеніе ихъ на весь многомиліонный народъ. Они могли бы примѣняться съ болѣею или меньшею достовѣрностью только при мелкихъ, малочисленныхъ племенахъ, да и тамъ все-таки возможны этнографическое смѣшеніе и скрещиваніе.

Само собою разумѣется, что я вообще не отрицаю важности подобныхъ изслѣдованій, особенно если они совершаются по всѣмъ правиламъ наблюдательнаго и опытнаго метода. Напротивъ того, я считаю такія наблюденія и опыты чрезвычайно важными, а только сомнѣваюсь въ возможности распространять на цѣлые народы выводы, добытые изъ разсмотрѣнія, съ одной стороны, произношенія, съ другой же, череповъ хотя бы даже нѣсколькихъ десятковъ лицъ.

Въ антропофонической терминологіи проф. Богородицкаго я позволю себѣ предложить нѣкоторыя поправки. Такъ напр. вмѣсто „звукоартикуляціи“, различаемой отъ „звукоощущенія“ (Оч. 58), я бы предпочелъ терминъ „звукопроизводство“.

И вообще примѣненіе термина „артикуляція“ (напр. Оч. 31, гдѣ указывается на „борьбу или антагонизмъ между выдыханіемъ и ар-

тикуляціей“) можетъ повести къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Если „артикуляція“ или „членораздѣльность“ есть просто синонимъ „дѣйствія органовъ произношенія“ (Оч. 31), въ такомъ случаѣ это терминъ лишній. Я бы позволилъ себѣ понимать „артикуляцію“, какъ терминъ антропофоническій, въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно, съ одной стороны, какъ непрерывную мѣну однихъ работъ и однихъ положеній органовъ рѣчи въ другія, чѣмъ и обусловливается слѣдованіе однихъ звуковъ за другими, съ другой же стороны, какъ извѣстное определенное отношеніе количественныхъ сторонъ произношенія, т. е. длительности, напряженія и т. п., однихъ звуковъ по отношенію къ другимъ. Стало бытъ, это будетъ слѣдованіе однихъ за другими и пропорціональность антропофоническихъ единицъ, колеблющаяся между извѣстными максимумами и минимумами.

Одинъ и тотъ же терминъ употребляется нашимъ авторомъ въ двухъ значеніяхъ, отчего и получается двусмысліе и неопредѣленность терминологіи. Это относится прежде всего къ термину „индифферентный“.

Такъ напримѣръ, въ Оч. 36 говорится: „Подобнымъ образомъ звукъ ж мы можемъ произнести и при болѣе широкомъ растворѣ, нежели *индифферентный* или узкій“, и при этомъ слову „индифферентный“ дано въ выноскѣ слѣдующее объясненіе: „При спокойномъ дыханіи струя воздуха проходитъ черезъ носъ, или также и черезъ ротъ, при чемъ обѣ челюсти немного удалены одна отъ другой, лишь бы струя дыханія легко могла проходить между ними. Этотъ *безразличный* растворъ рта я и называю *индифферентнымъ* или узкимъ“. Выходитъ, слѣдовательно, что „индифферентный“ растворъ есть растворъ безразличный, являющійся при спокойномъ дыханіи, безъ малѣйшаго напряженія органовъ произношенія, — хотя уже при этомъ нѣсколько поражаетъ отождествленіе „индифферентности“ съ „узкостью“. Но затѣмъ еще болѣе поражаетъ утвержденіе, что звукъ *а* (конечно, такой звукъ *а*, какой слышится въ ударенныхъ слогахъ русскаго языка) принадлежитъ къ звукамъ, „при произнесеніи которыхъ *и губы, и языкъ находятся въ индифферентномъ положеніи*“ (Оч. 40), и что „для *а* вовсе не требуется дѣйствія этихъ частей органа рѣчи“ (т. е. губъ и задней части языка); „поэтому, съ переходомъ къ произнесенію *а*, онѣ приходятъ въ индифферентное положеніе“ (Оч. 49). Неужели произнесеніе гласнаго *а* совершенно вѣло, индифферентно, безъ всякаго напряженія органовъ рѣчи?

Непонятнымъ для меня является примѣненіе выраженія „самостоятельныя гласные“: „Въ случаѣ нечезновенія *ѣ*, предшествующіе

і и ѣ удлинились, если они были самостоятельными гласными“ (*Чт.* III, 37; *Чт.* I, 50).

Чтобы покончить съ терминологіей нашего автора, укажу еще только на то, что въ очеркѣ „Объ основныхъ факторахъ морфологическаго развитія языка“ онъ употребляетъ терминъ „согласный *гортанный* или же не-гортанный“ (*Оч.* 269), терминъ, отвергаемый имъ же самимъ въ очеркахъ, посвященныхъ фонетикѣ.

Способъ возникновенія одной изъ категорій звуковъ г. Богородицкій понимаетъ не совсемъ точно, раздѣляя впрочемъ это невѣрное пониманіе съ другими фонетистами. Вотъ относящіяся сюда мѣста его книги: „Существуетъ еще *междузубное* дѣйствіе передней части языка: новогреч. θ, δ, англ. *th*“ (*Оч.* 62²). „Посредствомъ начертанія δ обозначенъ“ (въ вендекой транскрипціи) „*звонкій междузубной спирантъ*“, какой напр. произносится въ англ. *the* или новогреч. *δ*“ (*Оч.* 193²). При того рода звукахъ, какъ англійское *th*, суть дѣла вовсе не въ „междузубности“, а въ способѣ дѣйствія самаго языка. Датское *-d-* между двумя гласными производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ англійское звонкое *th*, а между тѣмъ оно произносится не между зубами, а только черезъ приближеніе передняго края языка къ верхнимъ деснамъ или, какъ иногда называютъ, къ верхнимъ альвеоламъ.

По поводу слогаобразующихъ „плавныхъ“ и „посовыхъ“ г. Богородицкій замѣчаетъ между прочимъ:

„Обыкновенно въ аrio-европейскомъ вокализмѣ слогаобразующіе плавные и посовые получаются изъ VL и VN“ (т. е. изъ сочетанія гласныхъ со слѣдующими согласными „плавными“ или же посовыми). „Подобные же случаи наблюдаются и въ русскомъ языкѣ, напр. *тлѣжѣнъ и ѣ*, *тлѣмѣюры*, *на-корму*, *кромѣю* и пр., но только здѣсь слогаобразующій уже не имѣетъ той длительности, какъ въ случаяхъ типа *хбѣда*, конечно — по причинѣ накопленія согласныхъ, а кромѣ того здѣсь слогаобразующій согласный (въ зависимости, отчасти, отъ характера или качества соприкасающихся согласныхъ) иногда тѣснѣе сочетается съ предыдущимъ согласнымъ, иногда же замѣтенъ между ними слабый переходный гласный, напр. *на-корму* (*на-к'орму*), при чемъ комплексъ *к'р* какъ бы притягивается къ предыдущему слогу *на*, съ

которымъ даже какъ будто составляетъ въ слоговомъ отношеніи одно цѣлое (*накр'му*). Съ точки зрѣнія генезиса, слова перваго типа (*хбѣда*) восходятъ къ „первому“ полногласію, а слова втораго типа (*тлѣжѣнъ и ѣ*) — ко „второму“ полногласію: такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ къ различію условій полученія долгихъ и краткихъ слогаобразующихъ плавныхъ и посовыхъ присоединяется различіе происхожденія, въ связи съ которымъ образовалось и самое различіе условій“. (*Чт.* III, 18—19).

По моему, различіе слогаобразующихъ въ *холода* и т. п., съ одной стороны, и въ *на корму* и т. п., съ другой стороны, объясняется проще. Въ словѣ *холода* имѣется не долгое слогаобразующее *л* въ строгомъ смыслѣ этого слова, а только сочетаніе начинающаго слогъ не-слогаобразующаго *л* со слѣдующимъ за нимъ слогаобразующимъ или сонантнымъ *л*, на подобіе сочетаній *ji* (*и*и), *ди* (*у*и) и т. п., или слѣдующихъ постѣ гласныхъ, или же начинающихъ слово, т. е. вообще являющихся при отсутствіи предшествующаго согласнаго. Конечно, такія сочетанія консонанта или неслогаобразующаго съ однороднымъ ему сонантомъ или слогаобразующимъ производятъ обыкновенно впечатлѣніе долгаго или же удлиненнаго сонанта. Въ словахъ въ родѣ *на-корму* сонанту или слогаобразующему *р* приходится стоять между двумя разнородными консонантами (напр. здѣсь между *к* и *м*), и поэтому о впечатлѣніи долготы сонанта рѣчи здѣсь быть не можетъ.

Въ связи съ вопросомъ о сокращеніи слоговъ неударенныхъ съ предѣломъ нуля и о развитіи слогаобразующихъ „плавныхъ“ и посовыхъ находятся два весьма удачныя и точныя наблюденія нашего автора.

Во-первыхъ, сюда относится открытіе и констатированіе глухихъ (или шепотныхъ) гласныхъ въ зависимости отъ соедѣнныхъ глухихъ согласныхъ, напримѣръ, въ словахъ *кѣстѣнѣ* (*костяной*), *пѣтѣмѣ* (*потому*) (*Чт.* III, 13¹).

Другимъ не менѣе интереснымъ наблюденіемъ является указаніе на „общерусское произношеніе слова *комната*“, которымъ авторъ пользуется для уясненія перехода слогаобразующаго посоваго (*N'*) въ *а*. „Я укажу на нѣкоторые варианты произношенія приведеннаго слова. Такъ, когда губы еще сомкнуты для *м*, языкъ можетъ принять уложеніе для *н*, такъ что когда губы разинутся, будетъ звучать *н*, и слѣдовательно между *м* и *н* нѣтъ переходнаго гласнаго. При обыкновенномъ произношеніи губы часто и не разинуты для *н*, а только ихъ сжатіе уменьшается (разслабляется). Если при этомъ

крѣпкими (fortes); но не большая бѣда, если первые изъ нихъ называются „мягкими“ (weich), вторые же „твердыми“ (hart).

Если согласиться на изложенное мною выше пониманіе славянскаго различія „твердыхъ“ и „мягкихъ“ согласныхъ, какъ записанаго отъ осложненія сопутствующимъ дѣйствіемъ среднеязычнымъ, то тогда можно будетъ говорить о „мягкихъ“ согласныхъ *mb, ob, vb, mb, mb, ob, co, zb, db, pb, kb, lb, eb* ..., но никоимъ образомъ нельзя будетъ примѣнять этотъ терминъ ни къ согласному *j* (*й*), исключительно средне-язычному безъ осложненія какимъ-либо сопутствующимъ дѣйствіемъ, ни тѣмъ паче къ гласнымъ средне-язычнаго съуженія въ родѣ *i, e, ѣ, ѓ* и т. п. И согласный *j*, и только-что названные гласные должны быть названы *средне-язычными*, но ничуть не „мягкими“.

Стараясь выяснитъ „различіе между гласными и согласными въ отношеніи *звучко-артикуляцій*“ (Оч. 65), г. Богородицкій упускаетъ изъ виду, по моему, самое важное, а именно: произношенію согласныхъ свойственны локализация звуко-производства въ полости рта и звуко-производственная активность, произношеніе же гласныхъ характеризуется повсемѣстностью звуко-производства въ полости рта и пассивностью, т. е. пассивнымъ участіемъ всей полости рта.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что „долгій или сильный взрывной согласный можетъ быть произнесенъ и въ началѣ слова, напр. *жѡму*“ (Оч. 48), и г. Богородицкій проявляетъ линію осторожности и нерѣзительности, предпосылая этому утвержденію выраженіе: „мигъ кажется“.

Въ „*Таблицѣмъ представленіи рядовъ звучкоощущеній*“ (Оч. 64) я отмѣтилъ слѣдующіе пробѣлы и недостатки:

- 1) Недостаетъ указанія на переходность (. . .) отъ *a* къ *ы*.
- 2) Невѣрно, по моему, г. Богородицкій принимаетъ акустическую или „звучкоощутительную“ „переходность“ отъ пары *д-м* къ парѣ *с(й)-з(ѣ)*, т. е. *д-м* . . . *с(й)-з(ѣ)*. Развѣ это переходъ акустическій? развѣ это переходъ звучкоощущеній? По моему, возможенъ переходъ акустическій только отъ *д* къ *ѣ*, отъ *м* къ *й*, но никакъ не отъ *м* къ *с* или же отъ *д* къ *з*. Такимъ образомъ постепенность переходовъ слѣдовало изобразить такъ: *м-д* . . . *й-ѣ* . . . *с-з*.
- 3) Напѣ авторъ принимаетъ переходъ *и'-ѓ'* . . . *и'-и'*; а развѣ отъ *ѓ'* къ *и'* можно принять „переходъ“ акустическій?
- 4) Если принимать *ѓ'* . . . *и'*, то почему нѣтъ тоже *и'* . . . *и'*?

Совершенно вѣрно г. Богородицкій замѣчаетъ, что „даже одно и то же лицо не каждый разъ одинаково произноситъ одно и то же слово“ (Оч. 20—21). Лучшее всего это извѣстно діалектологамъ, записывавшимъ образцы извѣстнаго говора съ устъ мѣстныхъ уроженцевъ.

И фактическимъ и методологическимъ промахомъ считаю перенесеніе свойствъ одного только русскаго языка на всѣ остальные. Это сказывается въ слѣдующихъ мѣстахъ сочиненій нашего автора: „Сдѣланныя мною въ этомъ отношеніи фізіологическія разъясненія въ прежнихъ моихъ работахъ примѣнимы ко всякому неударяемому вокализму и въ частности — къ аріо-европейскому“ (Чт. III. 13). „Если голосовая цепь съужена для звучанія, то голосовыя связки при выговариваніи отдѣльных звуковъ могутъ представлять весьма разнообразную степень натяженія, но въ словѣ это разнообразіе, говоря вообще, сводится къ *тремъ стадіямъ*“ (Оч. 59). „Что касается дѣятельности дыхательнаго аппарата, то каждый отдѣльный звукъ можетъ выговариваться при весьма разнообразной силѣ выдыханія, но въ словахъ это разнообразіе сводится, вообще говоря, къ *тремъ ступенямъ*“ (Оч. 59). Эти три ступени или три стадіи имѣются, правда, въ русскомъ произношеніи, которое авторъ и поясняетъ примѣромъ слова *годовому*, гдѣ сила отдѣльных слоговъ изображена по порядку цифрами 1—2—3—1, но, приписывая это свойство всѣмъ языкамъ, авторъ смотритъ на дѣло односторонне и не вѣрно обобщаетъ. — Однакожъ нельзя опять отрицать, что г. Богородицкій волюгѣ правъ, когда при обсужденіи „явленій *неударяемаго вокализма* въ аріо-европейскомъ праязыкѣ“ считаетъ „особенно поучительными указанія со стороны русскаго языка“. (Чт. III. 7, 9¹).

Несомнѣнную заслугу проф. Богородицкаго въ изложеніи фонетическихъ вопросовъ составляетъ послѣдовательное различеніе акустики и анатоми-фізіологіи, проводимое особенно въ очеркахъ V-омъ и VI-омъ, „Краткая фізіологія звуковъ примѣнительно къ русскому языку“ и „Важнѣйшія данныя изъ фізіологіи звуковъ“.

Къ этимъ двумъ рядамъ фонетическихъ понятій слѣдуетъ прибавить еще третій рядъ, т. е. немическій синтезъ того и другого: объединенныя впечатлѣнія и представленія, какъ со стороны и въ сторону звукопроизводства, звукоисполненія, такъ и со стороны и въ сторону звучкоощущенія.

Говоря въ очеркѣ IV-омъ („Объ изученіи русской рѣчи“) о „глу-бокомъ“ изслѣдованіи фонетическихъ явленій (Оч. 24), г. Богородицкій ни однимъ словомъ не упоминаетъ о психической сторонѣ звуковыхъ явленій. Въ 1881 г., когда печатался впервые этотъ очеркъ, и когда самъ Василій Алексѣевичъ былъ кончающимъ курсъ студентомъ, это было въ порядкѣ. Теперь однакожъ слѣдовало пополнить тогдашнее изложеніе, тѣмъ болѣе что въ другихъ очеркахъ нашего автора указывается на это весьма опредѣленно и обстоятельно.

Писавши въ очеркѣ V-омъ („Краткая фізіологія звуковъ примѣнительно къ русскому языку“, Оч. 30) 44 главнѣйшихъ звука, проф. Богородицкій смѣшиваетъ сторону психическую, т. е. фонетическія объединенныя представленія или фонемы, и сторону фізіологическаго исполненія фонемъ, т. е. звуки и ихъ сочетанія. Вслѣдствіе этого у него слѣдуютъ одна за другою буквы *a, a', e, i, o, y, u*, какъ вполнѣ равноправные знаки особыхъ звуковъ, тогда какъ *a* и *e* могутъ считаться только фонационными измѣненіями одного и того же фонетическаго представленія, фонемы *e*, точно такъ же, какъ и вмѣсто одного представленія *a* можно бы подставить два фонационныхъ отгѣлка: *a* широкое (открытое) и *a* узкое (закрытое). Затѣмъ, хотя русскіе гласные *y* и *i* произносятся различно, но психически они ближе другъ другу, нежели остальнымъ гласнымъ: они различаются только по воспріятію, т. е. со стороны аудиціонно-перцепціонной, тогда какъ по первоначальному психическому толчку къ исполненію, т. е. со стороны церебраціонно-фонационной, это гласные тождественныя, фонационная разниця которыхъ опредѣляется сочетаніемъ съ предшествующимъ согласнымъ. Весьма важно въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что ударяемые гласные *y* и *i* образуютъ совершенную риму (*мыли* — *ходили*, *мыло* — *носило*, *пытка* — *штка*...); изъ другихъ же гласныхъ нельзя составлять такихъ римическихъ паръ.

Впрочемъ, это неразличеніе психической или церебраціонной и фонационной или исполнительской стороны по отношенію къ звукамъ языка не есть вовсе личное упущеніе нашего автора. Точно такъ же поступаютъ почти всѣ и, можетъ быть, даже всѣ остальные фонетисты.

За то, уже безъ большихъ мудрствованій и безъ особеннаго различенія психическаго и фізіологическаго элемента въ фонетикѣ, могъ бы г. Богородицкій пополнить свое обозрѣніе гласныхъ русскаго языка различеніемъ гласныхъ ударенныхъ и неударенныхъ, сильныхъ и слабыхъ.

Къ утвержденію г. Богородицкаго, что „произношеніе каждого

звука представляетъ разновидности или колебанія“ (Оч. 223), я позволю себѣ сдѣлать поправку въ томъ именно смыслѣ, что психическая сторона звука не колеблется, а колеблется только его исполненіе. Считая же во фразѣ „черты, идущія внизъ, указываютъ, съ какими *звуками или сочетаніями звуковъ* ассоціированы разсматриваемыя идеи“ (Оч. 114) выраженіе „съ какими звуками или сочетаніями звуковъ“ неточнымъ, я подставилъ бы вмѣсто него: „съ идеями (или съ представленіями) какихъ звуковъ ихъ сочетаній звуковъ“.

Вполнѣ справедливо иаишъ авторъ отвергаетъ хотящее пониманіе русскаго чередованія *o* || *ä* (удареніе *o* чередуется съ неудареннымъ и ослабленнымъ *a*) какъ каждовременное „превращеніе одного звука въ другой“ (Оч. 231—232). Но при этомъ процессъ постепеннаго переорожденія одного изъ членовъ чередованія и его постепенное отклоненіе въ сторону отъ другого члена понимается и имъ самимъ не совсемъ точно, ибо онъ не принимаетъ въ соображеніе преемственности въ ряду поколѣній, въ связи съ рѣчью дѣтей, начинающихъ говорить. У нашего автора все это совершается какъ будто вгѣ естественной подкладки говорящихъ поколѣній.

Относящуюся сюда замѣтку въ выноскѣ на стр. 232—233 (Оч.) пополняетъ и развиваетъ изложенное мною въ сочиненіи „*Próba teorii alternacyj fonetycznych*“ (Kraków 1894) или въ его нѣмецкой передѣлкѣ „*Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik*“. (Strassburg 1895).

Сохраненное г. Богородицкимъ различеніе „непереходнаго“ и „переходнаго смягченія согласныхъ“ („эпоха непереходнаго смягченія согласныхъ“ Оч. 153; „смягченіе переходное, такое какъ *k* въ *u* или *u*, *ɣ* въ *je* и т. п.“ Оч. 153; „смягченіе *k* въ *č* (*u*)“ Оч. 165; „начальная фаза смягченія“ латинскаго *k* въ *e* (*ts*)“ Оч. 166; „*u* возникло изъ *k*, благодаря процессу *смягченія*“ Оч. 167; „смягченный согласный“, т. е. *č*, Оч. 169) является совершенно лишнимъ. Собственно говоря, „смягченіемъ“ можно считать только измѣненіе *k* въ *k'*; а затѣмъ слабое „мягкое“ *k'* поддается гораздо легче вліянію стремленія къ измѣненіямъ, нежели сильное „твердое“ *k*.

То, что г. Богородицкій говоритъ, „разсматривая съ фізіологической стороны измѣненіе латинскаго „otto“ (восемь) въ итальянское „otto““ (Оч. 53), просто фикція. Ничего подобнаго никогда не было въ дѣйствительности. Точно такъ же объясненіе этого фонетическаго процесса, данное Н. В. Крушевскимъ и приводимое здѣсь (Оч. 54) г. Богородицкимъ, является объясненіемъ одностороннимъ и далего

не полнымъ. Такъ, между прочимъ, „законъ сочетанія звуковъ“, состоящій, по мнѣнію Крушевскаго, въ томъ, что „при сочетаніи звуковъ вообще замѣчаемъ стремленіе перенести *экскурсивъ* второго звука съ момента *перваго*“, не можетъ вовсе примѣняться къ такимъ сочетаніямъ, какъ *pa (na)*, *la (ma)* и т. п.

Объясненія „физиологически измѣненіе неудареннаго *a* въ словѣ „адакъ““ (Оч. 128,—уподобленіе раствора рта, свойственнаго гласному, растворамъ, свойственнымъ предшествующему и слѣдующему согласному) и говоря объ измѣненіи глухого согласнаго въ звонкій въ серединѣ словъ между двумя гласными подъ вліяніемъ именно этихъ гласныхъ (напримѣръ, во французскомъ *abeille*, отражающемъ латинское слово *apicula*) (Оч. 55), слѣдовало прибавить, что проявленію подобнаго уподобляющаго вліянія значительно способствуетъ „аналитическое“ или децентрализованное строеніе словъ, т. е. строеніе, которому свойственны слова сросшіяся, съ исчезающимъ чутъемъ границъ между морфемами.

Съ самимъ же исторически-фонетическимъ процессомъ уподобленія согласнаго окружающимъ его гласнымъ (предшествующему и слѣдующему) со стороны дѣйствія голосовыхъ связокъ гортани (глухой согласный измѣнился въ звонкій) можно сравнить слѣдующіе процессы, извѣстные намъ изъ другихъ языковъ:

1) Въ древне-греческомъ исчезновеніе глухого гласнаго или придыханія (*spiritus asper*) въ серединѣ словъ между двумя гласными, т. е. замѣну придыханія непродыхательнымъ переходомъ отъ одного гласнаго къ другому (*spiritus lenis*), рядомъ съ сохраненіемъ придыханія въ началѣ словъ передъ гласными.

2) Сходное явленіе въ санскритскомъ языкѣ, а именно замѣну глухого гласнаго или придыханія (*visarga*), находящагося въ концѣ слова, соответствующимъ звонкимъ гласнымъ, подъ вліяніемъ звонкаго звука слѣдующаго слова.

3) Въ датскомъ языкѣ начальнымъ согласнымъ сжатымъ или взрывнымъ *d-*, *b-*, *g-* соответствуютъ въ серединѣ словъ между гласными согласные дыхательные или спиранты, *-ð-*, *-w-*, *-γ-*. Нѣчто подобное имѣется тоже въ тосканскомъ говорѣ итальянской языковой области, равно какъ и въ толиминскомъ говорѣ словинской языковой области ¹⁾.

¹⁾ По поводу итальянскихъ говоровъ нашъ авторъ сообщаетъ между прочимъ: „Въ отдѣлѣ задне-язычныхъ согласныхъ нужно указать только на существованіе въ калабр. глухого спиранта *χ*, не извѣстнаго литературному языку, и на случаи гл-

4) Въ языкѣ алтайскомъ началу и концу словъ свойственны согласные глухіе, въ серединѣ же словъ между гласными возможны только согласные звонкіе или, съ точки зрѣнія работъ въ полости рта, слабые. Нѣчто подобное мы констатируемъ тоже въ эстонскомъ языкѣ.

5) Въ романскихъ языкахъ латинскіе согласные подверглись ослабленію въ серединѣ словъ между гласными, тогда какъ въ началѣ словъ они остались безъ измѣненія (*-b-* || *p-*; *-c-* || *b-* и т. п.). Подобныя же развѣтвленія санскритскихъ согласныхъ произошли въ праकритскихъ говорахъ.

Нашъ авторъ даетъ мѣткое и удачное антропофоническое объясненіе измѣненія гласнаго *e* въ *o* въ русскомъ языкѣ (Оч. 123—123¹⁾, 158), но объясненіе это становится неточнымъ и слишкомъ узкимъ, когда ударяемость гласнаго считается такимъ же непремѣннымъ условіемъ этого перехода, какъ и „твердость“ слѣдующаго согласнаго (Оч. 123, 204, 205). Въ другихъ мѣстахъ и самъ г. Богородицкій признаетъ, что „главнымъ условіемъ этого измѣненія была *твердость слѣдующаго согласнаго*, какъ это явствуется изъ сравненія *лѣ'ч'* (лечь) || *л'ок* (лѣтъ), *лѣ'а'* (ель) || *л'олка* (ёлка) и пр. Правда, въ литературной рѣчи присоединяется еще другое условіе — нахожденіе гласнаго въ ударяемомъ слогѣ, но въ народныхъ говорахъ это явленіе наблюдается также въ достаточно сильныхъ неударяемыхъ положеніяхъ, напримѣръ, *нѣ'сѣ'* (неси) || *но'сѣ'* (несу) и т. п.“. (Оч. 158, 266). Мало

этого придыханія въ тосканскомъ (флорент.) на мѣстѣ литературнаго *k* между гласными, напримѣръ, въ словахъ *roco* „мало“, *la calza* „чулокъ“. (Сравни 47¹⁾). Это сообщеніе слѣдуетъ пополнить въ томъ смыслѣ, что и въ тосканскомъ говорѣ это не „глухое придыханіе“, а согласный *x*, появляющійся вмѣсто *k* въ такихъ же условіяхъ, въ какихъ вмѣсто *t* является *θ* (въ родѣ англійскаго глухого *th*), *ç* (билабиальное *f*, *ff*) вмѣсто *p*, звонкое *ð* (въ родѣ англійскаго звонкаго *th*) вмѣсто *d*, *z* (*w*, билабиальный звонкій спирантъ) вмѣсто *b* и, наконецъ, *γ* (задне-язычный звонкій спирантъ) вмѣсто *g*.

¹⁾ „При произнесеніи гласнаго *a* (т. е. широкаго *e*) поверхность языка находится ближе къ нёбу, чѣмъ при произнесеніи слѣдующаго твердаго согласнаго. Поэтому, съ теченіемъ времени поверхность языка при произнесеніи *a* постепенно болѣе и болѣе удаляется отъ нёба, такъ что уложеніе языка переходитъ въ область гласнаго *o*. При произнесеніи же *o* уложеніе языка, свойственное этому гласному, всегда соединяется съ суженіемъ губъ, а потому переходъ уложенія языка въ область гласнаго *o* вызываетъ соответствующее суженіе губъ, и такимъ-то образомъ гласный *a'* измѣняется въ *o'*“. Оч. 123. См. тоже Оч. 158.

того, въ нѣкоторыхъ изъ „окающихъ“ русскихъ говоровъ переходу въ *о* подверглось *е*, продолжающее исторически долгое праславянское *е*, графическимъ отраженіемъ котораго является кирилловское ѣ, но какъ разъ въ слогахъ неударяемыхъ, при сохраненіи произношенія *е* въ слогахъ ударяемыхъ, какъ болѣе сильныхъ и, стало быть, оказывающихъ болѣе сопротивленія разнымъ уподобляющимъ влияніямъ соседства. Итакъ, тамъ имѣемъ *бѣлокъ* (бѣлокъ), *нѣмой* (нѣмой), *звѣзда* (звѣзда), *рѣка* (рѣка) . . . , но *бѣлый* (бѣлый), *нѣмъ* (нѣмъ), *звѣзды* (звѣзды), *рѣкы* (рѣкы)... Если же г. Богородицкій приводитъ тоже *бѣокъ* (бѣгъ) (Оч. 266), такъ это или ошибка, или же необходимо допустить въ этомъ словѣ влияние морфологической ассимиляціи или аналогіи къ словамъ въ родѣ *нѣсъ*, *вѣсъ*, *вѣлъ*, *плѣлъ*, *прѣбъ*, *цвѣлъ* (цвѣлъ)....

Г. Богородицкій говоритъ тоже о польскомъ измѣненіи *е* въ *о*, совершившемся тоже передъ согласными твердыми, но только переднеязычными, тогда какъ заднеязычные и губные твердые не произвели вовсе подобнаго влиянія. Онъ старается даже объяснить физиологическія причины этой особенности: „Гласный *о* — губной закругленно-сбуженный, тогда какъ при произношеніи *р*, *б*... губы растянуты. Далѣе, гласный *о* — звукъ глубокаго дѣйствія задней части языка, а при произношеніи заднеязычныхъ согласныхъ имѣется не-глубокое дѣйствіе задней части языка. Итакъ, вотъ въ чемъ могло состоять противодѣйствіе въ польскомъ измѣненіи *е* → *о* передъ названными согласными, которые быстрѣе прочихъ согласныхъ могли утратить аккомпанементъ *й* въ случаѣ твердаго произношенія. Измѣненія не могло происходить передъ налитальными согласными, такъ какъ при ихъ произношеніи углы губъ оттянуты въ стороны“ (Оч. 159¹).

Но моему, причина этого развѣтвленія въ двѣ стороны въ польскомъ языкѣ не только гласнаго *е*, изъ праславянскаго *е*, но тоже гласнаго *е*, продолжающаго праславянское *ѣ* (ѣ), и слогаобразующаго среднеязычнаго *у* (*у*¹), кроется глубже и состоитъ въ тѣсной связи съ общимъ психофонетическимъ характеромъ языка. Я принимаю различную „психическую акцентровку“ отдѣльныхъ классовъ согласныхъ. Въ польскомъ языкѣ, гдѣ роль различій, достигаемыхъ дѣйствіемъ голосовыхъ связокъ гортани, сведена почти до *минимума*, гдѣ и живая противоположность среднеязычности („мягкости“) и не-среднеязычности („твердости“) имѣетъ гораздо менѣе значенія, нежели въ русскомъ, въ польскомъ — повторяю — должно было пріобрѣсти особенную важность, именно различіе локализациі работъ отдѣльныхъ органовъ по-

лости рта: и тутъ-то переднеязычные являются самыми сильными, самыми вліятельными согласными. Между тѣмъ въ русскомъ выступаютъ на первый планъ: 1) различіе среднеязычности („мягкости“) и не-среднеязычности („твердости“) согласныхъ; 2) различіе ударяемости гласныхъ.

Совершенно вѣрно, что измѣненію въ *о* подлѣ влияніемъ слѣдующихъ согласныхъ твердыхъ переднеязычныхъ не подверглось въ польскомъ *е*, происшедшее изъ краткаго *і* (*ы*) (Оч. 157¹); однакожъ есть случаи, требующіе, конечно, особаго разсмотрѣнія, гдѣ и въ польскомъ имѣется *о*, какъ историческое продолженіе краткаго *і*. Такъ напримѣръ, рядомъ съ *pies*, *piesek*, *pieska*, *len*, *chrest*... имѣемъ: *wioska*, *pionek*, *dzionek*....

То, что нашъ авторъ говоритъ о болѣе раннемъ развитіи нуля изъ *ь*, нежели изъ *ъ*, о „второмъ полногласіи“ и т. п. (Оч. 155¹), нѣсколько сомнительно и черезъ-чуръ гадательно.

Точно такъ же гадательнымъ и сомнительнымъ представляется мнѣ объясненіе „твердости произношенія согласныхъ въ сочетаніи съ слѣдующими *е* и *и*“ на малорусской почвѣ (Оч. 154—155), предположеніе „болѣе быстрого устраненія губности въ пра-малорусскомъ“ и „расширенія *ь* и этимологическаго *е* съ присоединеніемъ губности“ тоже на малорусской почвѣ (Оч. 157).

Проф. Богородицкій сопоставляетъ измѣненіе русскаго *андель* въ *андель* съ „измѣненіемъ звука *ы* въ *і* (напримѣръ, въ малорусскомъ)“, видя въ томъ и другомъ „стремленіе къ переходу дѣйствія задней (мало подвижной) части языка въ дѣйствіе передней (подвижной) части“ (Оч. 55), но это сопоставленіе не выдерживаетъ критики. Если появленіе *андель* вмѣсто *англь* можетъ быть дѣйствительно подведено подъ названное стремленіе, то ужъ этого нельзя никакъ образомъ сказать о полномъ *смыщеніи* въ малорусскомъ гласныхъ *і* и *ы*.

Догадку нашего автора, что „именно въ бѣлорусской области впервые и зародилось явленіе аканья и затѣмъ отсюда уже, какъ бы изъ фокуса, стало распространяться далѣе и могло дать вмѣстѣ съ переселенческимъ движеніемъ толчекъ московскому аканью“ (Оч. 161), можно бы подкрѣпить указаніемъ на то обстоятельство, что бѣлорусы сосѣдили съ литовцами, въ языкѣ которыхъ вмѣсто прежняго краткаго *о* имѣется *а*; хотя впрочемъ позволительно тоже усомниться въ вѣрности самой же этой догадки проф. Богородицкаго.

Еще болѣе сомнительнымъ кажется мнѣ предположеніе, что „бѣлорусское нарѣчіе аффицировалось со стороны смежнаго съ нимъ польскаго языка тенденціей къ произношенію *u'* и *du'* вмѣсто *m'* и *d'*“, и что „также и бѣлорусское твердое *p* вмѣсто мягкаго можно отнести на счетъ подражанія“ (?) „полякамъ, которые, развивъ въ своемъ языкѣ *u* изъ мягкаго *r*, уже не могли произносить послѣдняго звука и естественно, говоря по русски, должны были вмѣсто русскаго мягкаго *p* подставлять твердое *p'*“ (Оч. 161). Произношеніе *u'* и *du'* вмѣсто *m'* и *d'* свойственно на русской почвѣ не только бѣлоруссамъ, но тоже разнымъ другимъ великорусскимъ говорамъ, между прочимъ, говору уральскихъ казаковъ, гдѣ ужь о польскомъ влияніи никакой рѣчи быть не можетъ. Отсюда прямой выводъ, что оно могло совершиться въ великорусскихъ, и въ томъ числѣ въ бѣлорусскихъ, говорахъ *spontе*, помимо польскаго влиянія. Наврядъ-ли тоже можно считать поляковъ виновниками отсутствія мягкаго *p* въ бѣлорусскихъ говорахъ. Вѣдь такую же неспособность сочетать произношеніе согласнаго *p* (*r*) со среднеязычностью („мягкостью“), т. е. съ приближеніемъ средней части языка къ небу, отличаются, съ одной стороны, словаки, сербы и словинцы, съ другой же, англичане, хотя вѣдь ни въ одной изъ этихъ областей не можетъ быть рѣчи о польскомъ влияніи. Затѣмъ не слѣдуетъ забывать, что именно поляки безъ большого труда усваиваютъ себѣ произношеніе „мягкаго“ русскаго *p*, между тѣмъ какъ для уроженцевъ бѣлорусскихъ областей,—все равно, считаютъ ли они себя настоящими „бѣлоруссами“, или „поляками“, или коренными „русскими“,—подобное произношеніе представляетъ почти непреодолимую трудность.

Наконецъ, позволительно поспорить съ нашимъ авторомъ и сомнѣваться въ вѣрности его предположенія, что „чешская дифтонгизація *ū* и *ī* обязана влиянію средне-верхне-нѣмецкаго“, хотя, конечно, нельзя оснаивать предпосланнаго этому предположенію общаго замѣчанія о томъ, что, „благодаря фактору географической смежности могутъ распространяться черты не только близко-родственнаго говора или нарѣчія, но и другого языка“ (Оч. 161–162).

Указывая на ослышку, какъ на одну изъ причинъ такъ называемыхъ звуковыхъ измѣненій, и поясняя это, между прочимъ, случаемъ, когда вмѣсто *кудальнѣ* слышалось *баднѣ* (Оч. 35), нашъ авторъ при этой „довольно большой ослышкѣ“ не принимаетъ въ соображеніе

элемента значенія, элемента синонимности этихъ двухъ словъ, *кудальнѣ* и *баднѣ*.

Разбирая процессы историческаго измѣненія звуковъ, процессы развѣтвленія однихъ и тѣхъ же звуковъ, напримѣръ, древне-славянскихъ *x* и *к*, въ двѣ стороны, при чемъ эти измѣненія проходятъ „цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ на своемъ пути къ расширенію или же ослабленію“ (Оч. 156; см. тоже Оч. 187, гдѣ говорится о постепенномъ исчезновеніи гласнаго *e* въ слабыхъ положеніяхъ), слѣдовало бы указать на такъ называемые *факультативные звуки*, т. е. на переходныя историческія стадіи отъ полнаго существованія къ исчезновенію звука. На этихъ стадіяхъ имѣется еще въ думѣхъ говорящихъ воспоминаніе и представленіе извѣстнаго звука, но безъ необходимости исполненія, которое, такимъ образомъ, является *факультативнымъ*. На подобные факультативные звуки я указалъ, между прочимъ, въ своей статейкѣ „*Типическія замѣтки*“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* ч. CCCXXI, 1900, октябрь, стр. 370–371).

При исчисленіи „факторовъ фонетическихъ измѣненій“ (Оч. 171) мы напрасно ищемъ одного, послѣдовательно проведеннаго, *principium divisionis*. Вотъ эти факторы, по мнѣнію г. Богородицкаго:

- „1) физиологическій;
- „2) акустическій (акустическая замѣна одного звука другимъ: недослышаніе слабыхъ звуковъ, ср. нѣм. *wer* || гол. *hvas*;
- „3) заимствованіе;
- „4) аналогія;
- „5) народная этимологія;
- „6) факторъ діалектологическій (ср. н.-юн. *χῶς* || обще-греч. *χως*)“.

Точно также смѣненіе принциповъ дѣленія (*principia divisionis*) скъзывается въ принятіи нашимъ авторомъ ходячаго ученія о „трехъ степеняхъ индо-европейскаго вокализма“, 1) *Hochstufe*, 2) *Mittelstufe*, 3) *Tiefstufe*, съ позднѣйшею поправкою, по которой „*Tiefstufe*“ распадается на два вида: неударенная („*unbetonte Tiefstufe*“) и „съ побочнымъ удареніемъ“ („*nebetönige Tiefstufe*“) (Оч. 182²). Такъ называемая „*Tiefstufe*“ или двѣ „*Tiefstufen*“ противопоставляются двумъ остальнымъ съ точки зрѣнія категоріи количества, тогда какъ между „*Hochstufe*“ и „*Mittelstufe*“ имѣются различія качественныя, какъ въ самыхъ различающихся гласныхъ, такъ и въ вызвавшихъ это различіе „причинахъ“. Смѣненіе этихъ двухъ точекъ зрѣнія походитъ на смѣненіе физиологій съ акустикой при классификаціи звуковъ.

IV.

Изъ сравнительной фонетики языковъ аріоевропейскихъ.

Здѣсь я отмѣчу прежде всего неточную формулировку сообщеній г. Богородицкаго, между прочимъ, въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Говоря о судьбахъ пра-аріоевропейскихъ придыхательныхъ *bh*, *dh* и *gh*, онъ напрасно причисляетъ готскій языкъ къ языкамъ, въ которыхъ эти согласные отражаются „въ видѣ звонкаго взрывнаго“ (Оч. 179). Это невѣрно, потому, во 1-хъ, что въ готскомъ здѣсь были собственно звонкіе спранты, только обозначаемые буквами, наводящими на мысль о „звонкихъ взрывныхъ“; во 2-хъ же, хотя въ готскомъ, какъ и вообще въ германской семьѣ, нѣтъ придыхательныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ историческіе продолжатели отличаются отъ продолжателей соответствующихъ непридыхательныхъ, тогда какъ ни въ зендѣ, ни въ славянскомъ, ни въ литовскомъ, ни въ кельтскомъ нѣтъ ни матѣйнаго слѣда различія этихъ двухъ нѣкогда различныхъ классовъ согласныхъ. Затѣмъ, хотя въ древне-греческомъ и были придыхательные глухіе, но вполнѣдствіи, въ болѣе поздней стадіи развитія того же языкового матеріала, мѣсто этихъ придыхательныхъ заняли спранты, и прежнее различіе придыхательныхъ и непридыхательныхъ перенесено въ новогреческомъ, какъ и въ области германской, изъ полости гортани въ полость рта.—Въ связи съ этимъ считаю неумѣстной формулировку слѣдующаго положенія: „въ зендѣ *z* и *zh* устойчивы, придыханіе же неустойчиво“ (Чт. III 38). „Придыханіе“ въ зендѣ не „неустойчиво“, но просто его тамъ вовсе не было.—Наконецъ, я не могу согласиться на причисленіе латинскаго языка къ „южному отдѣлу“ аріоевропейскихъ языковъ, отличающемуся „устойчивостью придыхательнаго элемента“ („скт., греч. и лат.“), въ противоположность отдѣлу сѣверному, при чемъ „южный отдѣлъ“ занятъ-де „три южныхъ полуострова (т. е. Пидію, Грецію и Итацію)“ (Чт. III. 4).—Точно такъ же недопустимъ слѣдующій рядъ догадокъ и предположеній г. Богородицкаго: „Здѣсь мы должны коснуться еще арійской группы *zdh* изъ ае. **g^hht*: зендъ сохраняетъ въ этой группѣ шипящій, тогда какъ въ санскритѣ *zdh*=*dh*. Въ санскритѣ примѣромъ можетъ служить неопр. *vōdhum* (отъ глагола *vāhāmi*); форма эта развилась такъ: **vōzh-tum*→**vōzh-dum*→*vōzh-dhum*→*vōdhum*. Значить,

сначала *zh* повліяло на слѣдующее *t*, сдѣлавши его звонкимъ, а затѣмъ произошло перемѣщеніе придыханія“ (?); „послѣ этого, *z* въ санскритѣ, будучи неустойчиво, исчезло съ замѣнительнымъ удлинненіемъ (мы видимъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ данную эпоху). Тотъ же процессъ исчезновенія *z* въ комплексахъ *zh* нужно принять и въ положеніи передъ гласнымъ, такъ что наст. вр. взятаго нами санскритскаго глагола получило въ эту эпоху видъ **vōzhā*→**vōhā*“ (Чт. III. 37–38). Здѣсь, въ этихъ разсужденіяхъ нашего автора, можно отмѣтить даже смѣшеніе звуковъ съ буквами транскрипціоннаго алфавита. Въдѣ *h* въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ отдѣльнаго употребленія и въ случаѣ его представленія къ буквамъ разныхъ согласныхъ (*bh*, *dh*, *gh*, *ph*, *th*, *kh* ..., слѣдовательно и *zh*), имѣетъ различное значеніе: *h*, употребляемое отдѣльно, это звонкій спрантъ заднеязычный, а *h* въ *bh*, *dh* ..., *ph*, *th* ..., *zh* ... это „придыханіе“, которое можно отождествить развѣ съ *ḥ*, какъ съ транскрипціоннымъ знакомъ для „висарги“.

2) Въ санскритѣ конечное *-r*, продолжающее исторически прежнее *-s*, появилось не какъ замѣнитель *-ḥ* (visarga), „по аналогіи къ случаямъ первичнаго *r*“ (Оч. 182), или же „къ случаямъ конечнаго этимологическаго *r*“ (Чт. III. 37), но оно восходитъ къ прежней альтернаціи (чередованію) согласнаго звонкаго съ соответствующимъ ему глухимъ, *r* || *ṣ*, на подобіе такихъ же чередованій: *g* || *k*, *d* || *t*, *b* || *p* и т. п. Вполнѣдствіи конечное *s* измѣнилось въ *-ḥ*, а *r* осталось безъ измѣненія, такъ что альтернація *ṣ* || *r* замѣнилась альтернаціей *-ḥ* || *r*.—Въ санскритскомъ согласномъ *r* смѣшались два прежніе согласные, *r* и *ṣ*, на подобіе того какъ санскритское *j* (*дж*) продолжаетъ исторически два согласные, одинъ — соответствующій прааріоевропейскому *g₁* (греч., лат. *g*, литов. *ž*, слав. *z*, *ž*...), другой же — разившійся изъ осереднеязыковленнаго или палатализованнаго (смягченнаго) *g₂* (греч. *β* или *δ*, лат. *c*, лит. и слав. *g*, *г*) въ сочетаніи со слѣдовавшими за нимъ среднеязычными или палатальными вокалами (гласными) сонантами, *e* и *i*.—Какъ санскритское конечное *-r*, продолжающее прежнее *s*, является у г. Богородицкаго „по аналогіи къ случаямъ этимологическаго *r*“, точно такъ же, по его мнѣнію, если „въ классическомъ санскритѣ вм. конечнаго *ṣ* встрѣчается обычное *ḥ*“, такъ это — „аналогія къ случаямъ *-aḥ*“ (Чт. I. 49). Въ самомъ дѣлѣ это ужь слишкомъ обширное и черезчуръ произвольное примѣненіе принципа „аналогіи“ къ объясненію фонетическихъ явленій. Въ данномъ

случаѣ имѣется просто чисто фонетическое развитіе конечныхъ *s* и *ś* въ „висаргу“ или въ „придыханіе“.

Еслибъ г. Богородицкій давалъ себѣ постоянно строгій отчетъ въ фонетическихъ особенностяхъ санскритскаго языка, въ особенности еслибъ онъ принималъ въ соображеніе необходимость конечнаго придыханія или висарги, то онъ никогда не рискнулъ бы считать *-as* „нормальнымъ окончаніемъ“ *Nomin. sing.* санскритскаго языка (*Скл.* 8—9²). Принимая подобное окончаніе, онъ подставляетъ предполагаемое на мѣсто существующаго: въ концѣ отдѣльно произносимыхъ санскритскихъ словъ нѣтъ вовсе *s*, а есть только *-h* (висарга, придыханіе).

Въ связи съ этимъ я считаю несомнѣтельными въ одну и ту же эпоху въ концѣ санскритскихъ словъ: *z* вм. *s* „передъ звонкими согласными“ и *h* вмѣсто *s* „въ абсолютномъ концѣ или паузѣ“ (*Чт.* III. 36, 37). Согласный *z* вм. *s* былъ возможенъ только тогда, когда еще рядомъ съ нимъ имѣлось *-s*. Когда же конечное *s* замѣнилось придыханіемъ (висаргою), тогда вм. его звонкаго замѣнителя, *z*, должно было появиться озвонченіе „придыханія“, т.-е. просто продленіе предшествующаго гласнаго, конечно, если онъ могъ удлиняться, т.-е. если былъ самъ по себѣ краткимъ; если же онъ уже безъ этого былъ долгимъ, то оставался такимъ безъ измѣненія. Все это подтверждается правилами такъ называемой „вишней *sandhi*“ санскритскаго языка, равно какъ предполагаемымъ развитіемъ *Imperativi ēdhi* изъ **ēzdhi* (*Чт.* III. 37). Свои взгляды на этотъ вопросъ я излагаю подробнѣе въ краткой запискѣ „Z fonetyki międzywyrazowej (äussere sandhi) sanskrytu i języka polskiego“ (*Sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii umiejętności w Krakowie.* 1894).

3) Вмѣсто „гласный *a* окончаній *-asi*, *-ali*“ (санскритскаго глагола), „соотвѣтствующій греческому *ε*, смягчилъ предыдущее *k* въ *c*“ (*Оч.* 168) слѣдовало сказать: „Гласный *a* передъ личными окончаніями *-si*, *-ti* восходитъ исторически къ прежнему *e*, смягчившему предшествующія *k*, *g*, которыя затѣмъ, уже какъ „мягкія“ или осреднеязыковленные (палатальные), переродились постепенно въ пердеязычные аффрикаты *c* (ч), *j* (дж)“.

Вполнѣ справедливое замѣчаніе, что „дифтонги сохраняли свою цѣлость только въ положеніи передъ согласными и на концѣ слова, въ положеніи же передъ гласными они распались, такъ какъ въ этомъ случаѣ второй компонентъ дифтонга консонантизовался (*i*→*j*,

u→*v*) и отходить въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующему слогу“ (*Чт.* III 35¹), слѣдовало бы формулировать въ томъ смыслѣ, что дальнейшія судьбы такихъ дифтонговъ, т.-е. сочетаній двухъ гласныхъ, зависѣли отъ тавтосилабизма или же гетеросилабизма отдѣльныхъ частей дифтонга или, точнѣе, двухчленнаго сочетанія гласныхъ.— Точно такъ же утрату согласнаго *n* (и) въ славянскомъ префиксѣ *схн* „въ положеніи передъ другимъ согласнымъ (кроме *j*)“ (*Оч.* 262, *Чт.* II, 3) слѣдуетъ объяснять тавтосилабизмомъ, тогда какъ въ случаяхъ гетеросилабизма, *сх-и* (передъ гласными и передъ *j*), согласный *n* этого префикса фонетически сохранился.

Хотя не только г. Богородицкій, но и многіе другіе считаютъ первый слогъ греческаго окончанія *Gen. sing. masc.-neutr.* *-as* долгимъ (*Скл.* 32), но я все-таки позволяю себѣ въ этомъ сомнѣваться.

По моему, никакъ нельзя утверждать, что прааріевропейское краткое *o* въ открытыхъ слогахъ продолжается на санскритской (и вообще арійской) почвѣ въ видѣ долгаго *ā* чисто фонетическимъ путемъ (*Оч.* 184, 196). Дѣйствительно мы находимъ въ такихъ случаяхъ *по преимуществу* долгое *a*, но только по преимуществу, и оно тамъ появилось какъ результатъ морфологическаго уподобленія или аналогіи къ такимъ типамъ формъ, въ которыхъ имѣется *ē* (долгое *e*) и *ō* (долгое *o*), въ различіи отъ *i* и *u* другихъ формъ, что можно бы выразить слѣдующею пропорціей:

$$i : ē = u : ō = a : ā$$

При этомъ, конечно, мы отвлекаемъ (абстрагируемъ) наше вниманіе отъ качества гласныхъ и сосредоточиваемъ его исключительно на временно-количественныхъ отношеніяхъ.

По моему, однимъ изъ доказательствъ, что первоначально и въ санскритѣ прааріевропейское *o* продолжалось какъ краткое *a*, служитъ *Dat. sing.* *-atē*, хотя самъ Богородицкій въ гласномъ *a* этого окончанія видитъ отраженіе *e* (*Скл.* 48).

Изъ только что сказаннаго слѣдуетъ, что нахожденіе аналогіи между русскимъ и вообще славянскимъ чередованіемъ *ѡ* || *ѡ* въ такихъ, напримѣръ, случаяхъ, какъ потокъ | подтекъ, задоръ | горлодеръ, а санскритскимъ чередованіемъ *ā* || *a* въ *bhāras* | *bhāras* (*Чт.* I, 35³) основывается на ошибочномъ предположеніи и не можетъ быть допущено. Еще менѣе убѣдительно сравненіе *сѣ* литовскимъ.

гдѣ гласные узкіе *й* и *ї* „при удареніи измѣняются *качественно* (нѣсколько расширяются)“, а „гласные краткіе среднего и широкаго раскрытія (т.-е. *е* и *а*), подѣ влияніемъ ударенія въ открытомъ слогѣ измѣняются *количественно*, удлинняются“ (Сравн. 74¹)).

Съ этими, частью дѣйствительными, частью же только предполагаемыми, явленіями санскритскаго языка нашъ авторъ сравниваетъ „въ славянскихъ языкахъ влияніе исчезновенія конечныхъ *х* и *ь* на вокализмъ предыдущаго слога качественное *resp.* количественное (напр. малор. *доб* = *ахх* и *нѣс* (← **нѣс*) = *несх*)“ (Сравн. 74¹)). Это тоже неточная формулировка; ибо и то и другое сводится первоначально къ *количественному* измѣненію, т.-е. къ удлинению и усилению.

Выводъ русскаго *а* въ *а-ночь*, *этакъ*, *экой*, *эго* ... изъ древняго дифтонга *oi*, при чемъ это *е* (*o*) лишилось-де предшествовавшего ему *j* „при сочетаніи этихъ мѣстоименныхъ формъ“ (*аго* — мѣстоименная форма!) „съ предлогами, оканчивавшимися на *х*“ (Чт. II. 32 вып.), кажется мнѣ весьма сомнительнымъ. Вѣдь въ такихъ случаяхъ *vm. jе-* или *е-* (*o*) мы бы ожидали *i-* (и) (*oi* → *jī* → *i*) или же возможныхъ его видоизмѣненій, но никакъ не *е* (*o*).

Прааріевропейское *en* измѣнилось въ *in* не въ трехъ вѣтвяхъ, германской, литовской и славянской, какъ утверждаетъ г. Богородицкій (Оч. 192, 193 вып.), а только въ двухъ. Литовская вѣтвь исключается изъ этого, такъ какъ въ ней нѣтъ въ такихъ случаяхъ *in*, а только *'an*.

Сопоставленіе греческаго *πέσσει πέσσει* съ латинскимъ *coquit* (Оч. 172) неточно. Это вѣдь различныя типы спряженія.

Вѣроятно, по какому-то недосмотру г. Богородицкій для русскаго слова *а'ом* (*а'дѣ*) принимаетъ болѣе древній видъ съ *ь*, т.-е. *а'ах* (Оч. 122). Гласный *о* слова *а'дѣ* восходитъ точно такъ же къ прежнему *е*, какъ и гласный *о* слова *в'ол* (вѣль). Можетъ быть, нашего автора сбило съ толку то обстоятельство, что въ нынѣшнемъ состояніи языка гласный *о* слова *а'дѣ* чередуется съ нулемъ въ такихъ формахъ, какъ *а'да*, *на а'ду*, *а'дина* и т. п. Но здѣсь, очевидно, произошла какая-то морфологическая ассимиляція (аналогія) къ одному изъ типовъ склоненія, гдѣ прежній гласный основы *ь* развѣтвился на опредѣленный гласный, *е* или *о*, и на нуль. Подобнымъ же образомъ произошло склоненіе *заяцъ* — *зайца* — *зайцу* и т. д. (Въ Оч. 131 слово *заяцъ* не совсѣмъ точно поставлено въ одинъ разрядъ съ *нось*).

„Ослабленіе **е* въ *ь*“ „въ повелит. наклоненіи (нѣци....)“ проф.

Богородицкій невѣрно объясняетъ общимъ соображеніемъ, что именно „формы повелит. накл.“ „представляютъ благоприятную почву для усиленія ударяемаго слога и чрезъ то ослабленія неударенныхъ“ (Чт. III. 25¹)). По моему, разница корневого вокализма повелит. наклоненія *нѣци*, *рѣци* ... и настоящ. времени *пекѣи*, *печеть* ..., *рѣкѣи*, *речеть* ... объясняется просто тѣмъ, что въ настоящемъ вр. (Praesens) удареніе было свойственно первоначально первому слогу, **нѣсу*, **вѣду*, **рѣсу*, **нѣху*.... (конечно, не въ приведенной здѣсь русской формѣ, а въ болѣе древнихъ), и это удареніе предохранило гласный *е* отъ ослабленія, тогда какъ неударяемость коренного гласнаго въ Imperativѣ именно и способствовала его ослабленію.

Г. Богородицкій несомнѣнно ошибается, считая краткое *и* (*х*) славянскихъ словъ *сѣго*, *гнати* или же *и* литовскаго *gūns* развившимся изъ *о* (Оч. 198), а „*х* въ 1 ед. прошедшаго тематическаго“ (аориста) восходящимъ къ *ѡт* (Сл. 10). Послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, особенно Meillet'a, можно считать почти рѣшеннымъ, что *х* въ *сѣго*, точно такъ же какъ *х* 1-го лица ед. числа славянскаго аориста, произошло исторически изъ слогаобразующаго *т* (*м*).

Изреченіе, что „гласный *ы* русскаго языка вториченъ, что русскій языкъ переживалъ времена, когда онъ еще не развилъ гласнаго *ы*, когда *х* = *ѣ*, *ы* = *ѣ*“ (Оч. 159), нужно принимать *sunt grano salis*. Дѣйствительно было время, когда у лингвистическихъ предковъ не только русскихъ, но и всѣхъ славянъ не было еще *ы* и вмѣсто него имѣлось болѣе первичное *и* (долгое *и*, *у*), но вѣдь это во всякомъ случаѣ не были еще „русскіе“.

Я не вижу никакихъ данныхъ, оправдывающихъ слѣдующія предположенія г. Богородицкаго:

„Такъ, судя по русскимъ рефлексамъ (*чужой* и пр.) можно думать, что въ русскомъ отдѣлѣ общеславянскаго языка тогда же начали подвергаться перерожденію группы **lj* и **dj* въ направленіи *ѣ* и *дѣ*, между тѣмъ какъ въ *северо-западной* *отдѣль* *начало перерожденія этихъ группъ относится къ позднѣйшей эпохѣ*“. (Оч. 199).

„Налатальный гласный (*ѡ*) могъ уже дать начало смягченію заднеязычныхъ согласныхъ въ свистящія, при чемъ въ *северо-западной славянской языковой области* съ *этими* *смягченіемъ* *совпало* *смягченіе* **lj* и **dj* (ср. польск. *ciudzu* и т. п.)“. (Оч. 200).

Какіе же факты или теоретическія основанія побудили г. Богородицкаго высказать эти соображенія о хронологіи исторически фонетическихъ процессовъ?

Русскаго *староста* (староста) (со слогообразующимъ *р*) нельзя сопоставлять съ греческимъ *παρῶσι* (Оч. 188). Это вѣдь не одинаковыя сочетанія.

Полабскаго слова *brüda* (борода) нельзя считать исконно-полабскимъ (Оч. 200); оно, вѣроятно, или занесено въ полабскій изъ лужицкаго, или просто лужицкое.

Относительно измѣненій или историческаго продолженія согласныхъ *р* и *l*, представляютъ особенности вѣтви не только германская и кельтская (Оч. 175), но тоже армянская.

Замѣчаніе, что „первоначальные *b* и *d* отражаются во всѣхъ аріо-европейскихъ языкахъ, за исключеніемъ готскаго, вообще какъ *b* и *d*“ (Оч. 177), слѣдуетъ пополнить оговоркою: „за исключеніемъ готскаго и армянскаго“, помня при этомъ, что въ болѣе позднихъ фазисахъ развитія отдѣльныхъ аріо-европейскихъ семей языковъ подобныя уклоненія замѣчаются не только въ германской и армянской семьѣ, но тоже и въ другихъ.

Говоря о двухъ предполагаемыхъ рядахъ прааріо-европейскихъ согласныхъ заднеязычныхъ (Чт. III, 2), слѣдовало упомянуть, что нѣкоторые ученые принимаютъ даже 3 ряда: 1) рядъ, оставшійся въ западныхъ семьяхъ заднеязычнымъ и перешедшій въ восточныхъ въ область переднеязычную; 2) рядъ, оставшійся заднеязычнымъ безразлично во всѣхъ отдѣлахъ аріо-европейскаго языковаго міра; 3) рядъ, подвергшійся лабиализаціи на западѣ и оставшійся въ области заднеязычной на востокѣ, при чемъ однакожъ и здѣсь и тамъ вліяніе слѣдующихъ сонантовъ среднеязычныхъ или палатальныхъ повело обыкновенно къ переходу въ область переднеязычную. По моему, лишне принимать цѣлыхъ три обособленныхъ ряда; съ точки зрѣнія первоначальной психической обособленности и самостоятельности можно удовольствоваться двумя рядами, считая ряды 2-й и 3-й за одинъ. Конечно, въ такомъ случаѣ необходимо опредѣлить наблюдательнымъ путемъ или же гипотетически условія, вызвавшія въ западныхъ аріо-европейскихъ семьяхъ распаденіе 2-го общаго ряда на два: одинъ безъ лабиализаціи, другой же съ лабиализаціею.

„Взаимное соотвѣтствіе“ „этихъ двухъ рядовъ заднеязычныхъ праязыковыхъ фонемъ“ г. Богородицкій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Если мѣсто артикуляціи одного изъ двухъ рядовъ находится сравнительно болѣе кзади, то и мѣсто другого ряда оказывается сравнительно тоже болѣе заднимъ, если же мѣсто артикуляціи одного

изъ двухъ рядовъ приходится болѣе впереди, то и мѣсто другого ряда тоже подвинуто болѣе впереди“ (Чт. III, 2). Это въ общемъ вѣрно; но вѣдь возможно тоже въ известномъ языкѣ или говорѣ сближеніе мѣстъ звукопроизводства этихъ двухъ рядовъ, тогда какъ въ другомъ языкѣ или говорѣ эти два мѣста заднеязычнаго звукопроизводства находятся на большемъ разстояніи другъ отъ друга. Приявь, напримѣръ, четыре отдѣльныхъ мѣста или четыре опредѣленныя локализациі заднеязычной фонаціонной работы, т. е. въ порядкѣ послѣдовательности или удаленія отъ входа въ полость рта, или отъ губъ — 1, 2, 3, 4, мы можемъ допустить шесть различныхъ комбинацій: въ одномъ говорѣ передній рядъ на 1-мъ мѣстѣ, рядъ болѣе задній или глубокий на 2-мъ мѣстѣ; въ другомъ говорѣ для тѣхъ же двухъ рядовъ мѣста 1 и 3; въ третьемъ — 1 и 4; въ четвертомъ 2 и 3; въ пятомъ 2 и 4; въ шестомъ 3 и 4. А такое предположеніе нарушаетъ устанавливаемую нашимъ авторомъ „сравнительность“ и „относительность“ отношенія между двумя рядами согласныхъ заднеязычныхъ. Затѣмъ, въ болѣе позднихъ стадіяхъ развитія, т. е. когда только одинъ рядъ остался заднеязычнымъ, другой же замѣнился или переднеязычнымъ или же губнымъ, — появленіе губной работы вмѣсто глубокой заднеязычной (какъ напр. въ греческомъ, отчасти въ латинскомъ, въ германскомъ и въ кельтскомъ), переворачиваетъ это отношеніе: рядъ болѣе передній, не столь глубокий, остается заднеязычнымъ, а рядъ глубокий становится губнымъ, слѣдовательно самымъ переднимъ, ибо переднѣе дѣйствія губъ нельзя себѣ представить никакой звукопроизводной работы.

„Для физиологическаго выясненія праязыковыхъ $*K^1$ и $*K^2$ “ (т. е. двухъ рядовъ заднеязычныхъ согласныхъ) „съ ихъ рефlekсами“ г. Богородицкій находитъ „важныя указанія“ въ русскомъ языкѣ. Онъ полагаетъ, что „ $*K^1$ по мѣсту артикуляціи такъ приблизительно относится къ $*K^2$, какъ въ русскомъ языкѣ *bl* относится къ *y*, т. е. $*K^1 : *K^2 = bl (рус.) : y (рус.)$ “ (Чт. III, 3). Конечно, этого остроумнаго сопоставленія нельзя считать обязательнымъ.

Говоря о „передвиженіи фонемы $*K^1$ въ отдѣлъ переднеязычныхъ спирантовъ“ и находя „параллель этому“ въ „постепенномъ передвиженіи *ы* *і* въ славянскихъ языкахъ“ (Чт. III, 4), авторъ забылъ упомянуть, что „передвиженіе въ отдѣлъ переднеязычныхъ“ совершилось не вдругъ, но черезъ посредствующій стадій среднеязычности или палатальности.

Позвоительно сомнѣваться въ вѣрности взгляда проф. Богоро-

дидкаго, что „различное отношеніе аrio-европейскихъ языковъ западнаго и восточнаго отдѣла къ согласнымъ *K¹ и *K² связано съ различіемъ въ развитіи нѣкоторыхъ, физиологически-сродныхъ съ ними, гласныхъ фонемъ“ (Чт. III. 4). Въ самомъ дѣлѣ трудно было бы указать и научно обосновать частности этихъ связей и соответствій. Если же г. Богородицкій принимаетъ осложненіе вопроса о развитіи „средне-индоевропейскихъ гласныхъ“ (e, o, a) „фонетическимъ взаимодействиемъ между литовскимъ и германскимъ, какъ языками смежными, при чемъ германское a могло быть обязано вліянію со стороны балтійцевъ“, и если „на балтійское a на мѣстѣ *ō и славянское a на мѣстѣ *ō“ онъ смотритъ, „какъ на явленія вокализма, стоящія въ физиологическомъ родствѣ съ пелабиализованнымъ характеромъ *K¹ въ языкахъ восточнаго отдѣла“ (Чт. III. 6), то это слѣдуетъ считать если не ни на чемъ неоснованнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма сомнительнымъ предположеніемъ.

Относительно своеобразныхъ судебъ первоначальныхъ заднеязычныхъ согласныхъ, къ „четыремъ восточнымъ индо-европейскимъ языкамъ — скт., эд., слав. и лит.“ (Оч. 165) слѣдуетъ еще прибавить армянскій и албанскій. Что же касается кельтской области, то никакъ нельзя разбивать ее на двѣ вѣтви: „та вѣтвь, въ которой имѣется въ данномъ случаѣ r“ (Оч. 165), и другая, гдѣ имѣется k, а обѣ вѣтви слѣдуетъ считать за одно, и именно по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Нельзя, именно съ этой точки зрѣнія, вырывать согласный k изъ связи съ g, а между тѣмъ древній согласный g продолжается во всей кельтской языковой области въ видѣ b, нигдѣ не являясь въ видѣ g.

2) Въ пракеельтскомъ слѣдуетъ предположить k^h (k лабиализованное), которое въ одной изъ вѣтвей линилое лабиализации и стало простымъ k, въ другой же вѣтви пошло дальше по пути лабиализации и замѣнилось согласнымъ p. Параллельный согласный g^h (g лабиализованное) пошелъ во всей кельтской области по этому второму пути, и именно вследствие переверъса губности надъ *более слабымъ*, ибо *жонкамъ*, сжатымъ элементомъ g.

Вообще слѣдуетъ сопоставить, какъ явленія параллельныя, греческое ново-ионическое x въ xōδ, xōz, при ζ въ ζōδz ... (Оч. 163), кельтское сѣверное (ирское итп.) k изъ k^h, рядомъ съ b изъ g^h, латинское kn (qn) изъ k^h, рядомъ съ c изъ g^h (Оч. 164).

французское k (c) изъ латинскаго qn, рядомъ съ c, продолжающимъ латинское c изъ g^h,

германское w изъ hn изъ k^h, рядомъ съ hw изъ g^h,

въ славянской области согласные ѣ (y), е (u), ѣ, какъ продолжателей „смягченнаго“ k, въ различіи отъ согласныхъ ж (ж), з (з) или dz (dz), j, какъ продолжателей „смягченнаго“ или осреднеязыковленнаго g, въ разные періоды развитія этого языкового матеріала, и т. д.

По вопросу о вторичности согласныхъ въ родѣ ѣ (y), e (u) и т. п., развившихся исторически изъ осреднеязыковленныхъ согласныхъ заднеязычныхъ, нашъ авторъ высказываетъ совершенно вѣрное и мѣткое соображеніе, что случаи, гдѣ въ санскритскомъ языкѣ имѣется c (y) передъ r (т. е. передъ слоогообразующимъ r), „должно объяснять вліяніемъ аналогій“, напр. crtāti „связываетъ, сшиваетъ“ (Чт. III. 36).

Начальное j усилилось въ dz (z) не только въ греческомъ (Оч. 181), но тоже въ языкахъ романскихъ, въ сравненіи съ латинскимъ, въ пракритѣ, въ сравненіи съ санскритомъ, и пр.

Фактъ сохраненія въ латинскомъ согласнаго дифтонга qu (qu) при предшествующемъ u (напримѣръ, *in-slinguo, anguis* и т. п., въ различіи отъ c въ *senio, viro, calco, corax* и пр.) (Оч. 178), можно сопоставить съ повторяющимся въ разныхъ языкахъ развитіемъ группъ согласныхъ ur, ur, sr въ ndr, mbr, str.

Кельтское чередованіе e || ia (точнѣе: древне-ирское чередованіе 'e || 'a) зависѣло не столько отъ качества гласнаго слѣдующаго слога (Оч. 190¹), сколько скорѣе отъ качества слѣдующаго согласнаго. Это чередованіе можно сопоставить прежде всего съ польскими чередованіями e || o, e || a, i || ar, восходящими исторически къ праславянскимъ гласнымъ и сонантамъ e, ē (ѣ), iⁱ (ѣ), и появившимися подъ вліяніемъ различія слѣдующихъ согласныхъ.

„Смягченіе k въ ц въ славянскихъ языкахъ“ (точнѣе: смягченіе или осреднеязыковленіе k въ k' и затѣмъ уже развитіе осреднеязыковленнаго k' по направленію къ c, ц) наблюдается въ *положеніи* не только *посль* i, i, но тоже въ положеніи *посль* среднеязычныхъ или палатальныхъ (мягкихъ) слоогообразующихъ (сонантовъ) rⁱ, uⁱ. Изъ этого получается хронологическій выводъ, что измѣненіе сонанта uⁱ въ носовой гласный e (ѣ) позднѣе, нежели зародыши осреднеязыковленія (смягченія) заднеязычныхъ согласныхъ, давшаго вполнѣдствіи c (ц), dz (s) или z (з), s (c).

Переходъ прежняго дифтонга *ei* въ *iu* не можетъ быть сопоставляемъ съ появленіемъ *i* въ такихъ словахъ, какъ славянское *мынѣ* и литовское *minii* (отъ аріоевропейскаго корня **mēn* (Оч. 193 вып., 198). Гласный *i* словъ *мынѣ* и *minii* есть историческое продолженіе прежняго слогообразующаго *iⁱ*, подвергшагося упрощенію черезъ исчезновеніе одного изъ составныхъ элементовъ произношенія (*i*) и сохраненіе только втораго элемента, *i*. Съ этимъ упрощеніемъ можно сравнить развитіе въ польскомъ согласнаго *j* изъ *iⁱ*, *ś* и т. п. передъ согласными (*ojca*, *wiejski*, *Zamojski* ... изъ *ośca*, *wieśski*, *Zamośeski* ...). Измѣненіе въ славянскомъ дифтонга *ei* въ *iu* (Оч. 199) разбираетъ подробно E. Berneker въ статьѣ „Von der Vertretung des idg. *ei* im baltisch-slavischen Sprachzweig“ (Indogermanische Forschungen. X. 3. и. 4. Strassburg. 1899).

Для объясненія возникновенія, напримѣръ, греческаго *θινεῖν* (съ гетеросилабическимъ сочетаніемъ *an*) („изъ **θινεῖν*“), De Saussure предположилъ особую фонему *in* въ праязыкѣ аріоевропейскомъ, но, по мнѣнію г. Богородицкаго, „безъ достаточнаго основанія“, такъ какъ „естественно видѣть здѣсь зарожденіе слабаго гласнаго того качества, какое въ эпоху зарожденія въ данной языковой области наиболее подходило къ природѣ пришедшихъ въ соприкосновеніе согласныхъ: гласный этотъ оказывается одинаковымъ съ гласнымъ, развившимся на почвѣ **iⁱ* и другихъ слогообразующихъ“ (Чт. III 21). Однакожь, по моему, предположеніе Де-Соссюра, относительно вѣроятности, ничуть не уступаетъ объясненію проф. Богородицкаго.

По мнѣнію г. Богородицкаго, „п при зарожденіи гласныхъ имѣетъ значеніе моментъ *гармоніи*, ср. въ прарусскомъ **or*“, **er*“ и пр.“ (Чт. III 21). Какъ здѣсь слѣдуетъ понимать эту „гармонію“? Мнѣ кажется, что мы отлично можемъ обойтись безъ „гармоніи“: *or*, *er* развились въ *oro*, *ere* просто потому, что въ тавтосилабическихъ сочетаніяхъ *or*, *er* согласный *r* произносился съ тѣмъ же одновременнымъ гласнымъ (вокальнымъ) растворомъ рта, что и предшествующій ему гласный, т. е. *o^r*, *e^r*.

Въ пользу предположенія общей „эпохи литво-славянской“ (Оч. 193, 198 и въ другихъ мѣстахъ) говорить ничуть не больше и, пожалуй, даже меньше доводовъ, нежели противъ этого предположенія, такъ что мы имѣемъ полное право считать его ученою фикціей. Если, напримѣръ, предполагать, что измѣненіе *ei* въ *oi* (пакѣ, пакъ ..., лит. *pāciū*, *paūjas* ...) „могло возникнуть тоже въ эпоху литво-славянскую“

(Оч. 193 вып.), то, присоединивъ сюда латинское *porus* и т. п., мы имѣемъ право принять эпоху латино-литво-славянскую.

По мнѣнію проф. Богородицкаго, „такіе примѣры, какъ литовское *mir̃ti* („умирать“), свидѣтельствуютъ, что въ литво-славянскомъ праязыкѣ еще не развились слогообразующіе плавные и носовые, но *eL* и *eN* ослабли въ *iL* и *iN* соответственно другимъ случаямъ ослабленія неударяемаго вокализма (напримѣръ *bridau*)“ (Чт. III 17). Я же позволяю себѣ думать, что „слоγοобразующіе плавные и носовые“ развились не только въ никогда не существовавшемъ „праязыкѣ литво-славянскомъ“, но уже въ состояніи прааріоевропейскомъ, черезъ которое проходили лингвистическіе предки всѣхъ аріоевропейцевъ. Въ прибалтійскомъ или пра-аистскомъ („пра-литовскомъ“) языкѣ эти слогообразующіе плавные и носовые могли уже замѣниться тавтосилабическими сочетаніями *iL*, *iN*, хотя тоже и въ этомъ предположеніи нѣтъ никакой логической необходимости, но за то въ состояніи праславянскомъ эти слогообразующіе еще сохранялись, переродившись затѣмъ различнымъ образомъ на сѣверѣ славянскомъ и продолжая существовать, по крайней мѣрѣ отчасти, на славянскомъ югѣ.

Выше указанное предположеніе г. Богородицкаго ведетъ за собою цѣлый рядъ невѣрныхъ умозаключеній. Ср., между прочимъ, Чт. III 10, гдѣ говорится, что „среди аріо-европейскихъ языковъ должно, кажется, признать группу *балтійско-славянскую* наиболее консервативною въ разсматриваемомъ отношеніи“ (т. е. въ отношеніи постепеннаго ослабленія неударяемыхъ гласныхъ по направленію къ нулю); „ср. *пекѣ* || *пѣци*, *рѣкѣ* || *рѣци*, литовское *bredū* || *bridau*“ и т. п., гдѣ мы видимъ чередованіе полнаго гласнаго не съ нулемъ, а съ узкимъ гласнымъ *i*“. Здѣсь, при такихъ условіяхъ, „нуль гласнаго“ былъ почти невозможенъ; да вѣдь, съ другой стороны, и въ санскритскомъ языкѣ, когда исчезновеніе гласнаго повело бы къ развитію непронизносимыхъ или трудно произносимыхъ сочетаній согласныхъ, этотъ гласный сохраняется; такъ напримѣръ, въ корняхъ *pat*, *pak* гласный *a* сохраняется въ такихъ тоже случаяхъ, въ какихъ другіе корни представляютъ „нуль гласнаго“.

Предпринятое проф. Богородицкимъ опредѣленіе относительной хронологіи или послѣдовательности отдѣльныхъ фонетическихъ процессовъ (Чт. III, 33 слѣд. Чт. I, 48—50 и др.) заслуживаетъ безусловнаго одобренія; но, устанавливая отдѣльныя эпохи, нашъ авторъ грѣшитъ

иногда противъ соображеній, основанныхъ на сходствѣ однородныхъ фактовъ. Такъ напримѣръ, какъ можно отдѣлять въ славянскомъ переходъ *ei* въ *i* и *om* въ *o* отъ перехода *oi* въ *ē* (*u*), дѣлая изъ первого IV-ую эпоху, а изъ второго VII-ую (*Оч.* 199—200), и къ тому же приводя все это въ связь съ „процессомъ устранения закрытыхъ слоговъ“? (*Оч.* 200).

Говоря о родствѣ звуковъ и распредѣляя языки сообразно съ этимъ родствомъ (*Оч.* 164—165 и др.), г. Богородицкій долженъ былъ замѣтить, что и отдѣльные языковые процессы и всю совокупность процессовъ, составившихъ данное состояніе отдѣльныхъ языковъ, слѣдуетъ характеризовать по цѣлымъ линіямъ безпрерывнаго развитія, по цѣлымъ рядамъ хронологическихъ, послѣдовательныхъ измѣненій.

Такъ напримѣръ, прааріевропейскому глубокому (и ранѣе или позже лабиализованному) *k* соответствовать *k* не только въ санскритскомъ, славянскомъ и литовскомъ, но тоже во французскомъ. Въ тѣхъ же приблизительно случаяхъ, гдѣ изъ болѣе передняго *k* развились въ санскритѣ, въ литовскомъ, въ славянскомъ и т. д. переднеязычные спиранты, *ç*, *š*, *s*..., нѣчто подобное встрѣчаемъ тоже во французскомъ (*ç*, *ch*: *chien*, *champ*, *chaud*, *chou*...), въ фурланскомъ и въ другихъ языкахъ латинской полосы. Но что было въ прошломъ? Развѣ славянская языковая область и область французская дошла до этихъ сходныхъ конечныхъ результатовъ одинаковымъ путемъ? Ничуть не бывало. Посредствующія звенья историческаго развитія были въ отдѣльныхъ областяхъ совершенно различныя.

Въ заключеніе этого отдѣла о хронологической послѣдовательности фонетическихъ процессовъ я позволю себѣ указать на нѣкоторые неясные и сомнительные выводы нашего автора.

Такъ, между прочимъ, г. Богородицкій говоритъ, что „и при слоогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ слабые краткіе гласные принимаютъ неодинаковое качество на почвѣ разныхъ языковъ, напримѣръ *a* resp. *o* въ герм.: *binden* || *gebunden*, *finden* || *gefunden*, *sterben* || *gestorben* и т. п. Для латинскаго сравни: *simplex*, по *mortuus*, *maleficus*. Греческій языкъ проявляетъ наклонность къ развитію *a* при плавныхъ и носовыхъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ необходимости принимать вездѣ въ качествѣ посредствующей ступени чистые слоогообразующіе (*i*, *u* и т. п.), такъ какъ слабый гласный могъ просто видоизмѣняться въ зависимость отъ измѣненія въ фізіологическихъ свойствахъ звуковой

системы того или другого языка“. (*Чт.* III, 17). Для меня не сомнѣнь ясень „слабый гласный“ г. Богородицкаго. Неужели „слабый гласный“ долженъ непременно произноситься отдѣльно отъ „слоогообразующаго плавнаго или носового“? Развѣ нельзя допустить совмѣстное, одновременное произношеніе и того, и другого элемента, т. е. и слоогообразующаго плавнаго или носового, и сопровождающаго его гласнаго раствора рта, дающаго въ отдѣльности, при обособленности, извѣстный опредѣленный гласный: *a*, *o*, *u*, *e*, *i* и т. п.?

Въ *Чт.* I. 53 проф. Богородицкій пытается объяснить фонетическую двойственность или альтернацію (чередованіе) *e* || *o*, свойственную аріевропейскому языковому міру, сведеніемъ обѣихъ этихъ разновидностей или членовъ чередованія (альтернантовъ) къ одному своеобразному звуку. Онъ говоритъ: „Нужно имѣть въ виду еще одну возможность, а именно: тотъ исходный звукъ, изъ котораго затѣмъ развилось чередованіе *e* || *o*, былъ звукомъ особымъ. Я думаю, что это былъ звукъ, совмѣщающій въ себѣ свойства обоихъ гласныхъ *e* и *o*, т. е. — нѣкоторая разновидность гласнаго *ō*. При этой гипотезѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи, устраняются затрудненія, представившіяся Бругману и Соссюру, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ простотою выводятся частныя явленія въ области разсматриваемыхъ гласныхъ. Такимъ образомъ триада — *e* || *ō*; *a* — сводится къ двойственности, которую мы можемъ условно обозначить символами & (нѣкоторая разновидность *ō*, напр. **bh&t-*) и *A* (напр. **Ag*)*. Этимъ предположеніемъ какого-то первичнаго *ō* или &, развѣтвившагося впослѣдствіи на *e* и *o*, ничего не выигрывается и трудность объясненія вовсе не устраняется. Все-таки остается невыясненнымъ вопросъ, при какихъ условіяхъ это гипотетическое *ō* или & развилось въ *e*, а при какихъ въ *o*. Къ тому же о переходѣ гласнаго *e* въ *o* мы знаемъ изъ наблюденія исторій разныхъ языковъ, тогда какъ о распадѣнн *ō* на *e* и *o* намъ пока ничего неизвѣстно. Наконецъ, даже предположеніе проф. Богородицкаго не устраняетъ первоначальной триады или тройственности аріевропейскихъ гласныхъ; вѣдь рядомъ съ принимаемыми имъ *A* и & (= *e/o*) существуетъ *o*, не чередующееся (не альтернирующее) съ *e* и, стало быть, не могущее быть выводимымъ изъ предполагаемаго *ō* или &.

По мнѣнію г. Богородицкаго, предположенная имъ двойственность въ аріевропейскомъ вокализмѣ „находится въ связи съ двойственностью

консонантизма, именно въ области задне-язычныхъ согласныхъ, которые представляютъ, какъ извѣстно, два ряда, при чемъ предполагаемое мною сродство можно выразить формулами: $K^2 \&$ и $K^1 A$ “ (*Уч.* I 53). Это предположеніе, хотя, можетъ быть, и остроумно, но все-таки невѣроятно.

Въ *Сравн.* §§ 7—12 (стр. 6—12) проф. Богородицкій очень мѣтко критикуетъ обычный методъ такъ называемой сравнительной грамматики и возражаетъ противъ отдѣльныхъ взглядовъ на задачу этой науки. Для примѣра я приведу здѣсь начало § 8-го (стр. 6):

„Въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ для сопоставленія обычно берутся только ихъ древнѣйшіе въ письменности представители, при чемъ оставляется безъ вниманія все послѣдующее ихъ развитіе. Такимъ образомъ, для сравненія какъ бы выхватывается лишь одинъ изъ моментовъ исторіи этихъ языковъ. Между тѣмъ характеръ языка опредѣляется не однимъ какимъ-либо моментомъ или точкою, но всѣмъ ходомъ его исторіи“.

Вообще этотъ отдѣлъ „Курса сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“ (*Сравн.*) можно рекомендовать для прочтенія не только всѣмъ начинающимъ языковѣдамъ, но даже болѣе или менѣе извѣстнымъ специалистамъ этой области знанія.

Для нагляднаго поясненія своихъ теоретическихъ выводовъ по части сравнительной грамматики, проф. Богородицкій даетъ „сравнительно-фонетическій разборъ небольшого русскаго текста“ (*Оч.* 200—206). При этомъ его, болышею частью чисто случайныя, замѣчанія не всегда точно формулированы. Такъ напримѣръ, едва ли можно считать точными выраженія:

„скр. *h*, образовавшесѣ изъ *gh*, греч $\chi = kh$ (глухой придыхательный, образовавшійся изъ звонкаго придыхательнаго *gh*)“ (*Оч.* 201),

„Въ нѣм. *das*, начальное *d* образовалось изъ *t*, а кончное *s* изъ *d*“ (*Оч.* 204).

Нечисляя чешскія соотвѣтствія ст.-славянскому *h*, авторъ приводитъ только *a*, „когда далѣе слѣдуетъ не-палатальность“, и *e* — „передъ палатальностью“ (*Оч.* 205), а совсѣмъ забываетъ о *á* (*a* долгое) и *í* (*i* долгое) (*svátek*, *pátek* ..., *řídí*, *příze* ...).

Н. Бодуэнъ-де-Куртена.

(Окончаніе слѣдуетъ).